

1966 • НАУКА О ЗЕМЛЕ • 1966

Р. БЛОМБЕРГ

ЗМЕИ-
ГИГАНТЫ

СТРАШНЫЕ
ЯЩЕРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЗНАНИЕ"
МОСКВА 1966

Р. БЛОМБЕРГ
ЗМЕИ-
ГИГАНТЫ
~
СТРАШНЫЕ
ЯЩЕРЫ

И (Швед.)
Б70

Перевод со шведского **Л. Жданова**
Научный комментарий и консультация
профессора **А. Г. Банникова**

Предисловие

Автор книги «Змеи-гиганты и страшные ящеры», большой любитель животных и путешествий, Рольф Бломберг сделал своей профессией сбор живых зверей, ящериц, крокодилов, черепах и змей для зоопарков. Одновременно он снимает фильмы о жизни животных. Один из таких фильмов, «Анаконда», хорошо знаком и советскому зрителю. О том, как снимался этот фильм, им была написана книга, которая переведена несколько лет назад на многие языки, а также и на русский язык.

Острая наблюдательность и умение видеть природу какой она есть, воспитанные с детства страстной любовью к животным, самое привлекательное в книге Рольфа Бломберга.

Вместе с тем следует заметить, что Бломберг не всегда точен в изложении общих сведений о своих любимцах.

Так, справедливо предостерегая читателей против преувеличения ядовитости змей, он сам нередко впадает в преувеличение, говоря о «смертельных укусах». Сейчас мы знаем, что на земном шаре нет змей, укусы которых были бы абсолютно смертельны для человека. Даже при укусах самых опасных тропических змей более трех четвертей пострадавших выздоравливает. Среди змей, водящихся на территории нашей страны, очень ядовиты кобра и гюрза, но и при их укусах бывает 8—15% смертности, а укусы гадюк дают 4—6% смертельных исходов. В целом, по странам, о которых мы располагаем достоверными материалами, смертельных случаев от укусов ядовитых змей сравнительно немного. Например, в США ежегодно умирает около 15 человек, во всех странах Западной Европы, вместе взятых, далеко не ежегодно регистрируются единичные случаи смерти от укусов змей. В СССР ежегодное количество погибших, как правило, не превышает 10—12 человек. Следует подчеркнуть, что и этих трагических случаев могло бы не быть, если бы люди правильно применяли современные методы лечения.

В подавляющем большинстве случаев жертвами змей оказываются дети и при этом мальчики, которые составляют около 80% всех пострадавших. Подвижные, любопытные, они постоянно залезают руками в норы, под камни, дупла или птичьи гнезда, где их и кусают змеи.

Неверно рисует Р. Бломберг и картину отравления змеиным ядом в результате укуса гремучей змеи. В действительности, при укусах происходит местный распад (некроз) тканей, кровоизлияния, внутрисосудистое свертывание крови, иногда шок. В настоящее время твердо доказано, что традиционные способы лечения укушенных — наложение жгута на пораженную конечность, прижигание и кровопускание не только не приносят пользу, но значительно отягчают состояние больного. Новые, современные принципы лечения состоят в максимальном щажении пораженной части тела, борьбе с внутренними кровопотерями при помощи переливания крови и лечение противоядными сыворотками. Сыворотки получают путем иммунизации животных ослабленными змеиными ядами. Змеиные яды для сыворотки получают в питомниках змей. О таком питомнике в Сан-Паулу («Бутанган») пишет Р. Бломберг. Такие питомники есть во многих странах мира; самый крупный советский питомник находится в Ташкенте.

Не останавливаясь более на этих вопросах, повторяю, что неточности, иногда ошибки или устаревшие сведения о змеях в книге Р. Бломберга не столь уж существенны. Главное в этой книге — яркие, сочные описания животных, которых так любит автор. Эта книга, говорит Р. Бломберг, написана им для таких же увлеченных, как и он. Думаю, что книга способна увлечь и тех, кто был равнодушным к животным, и в этом ее несомненно большое достоинство.

А. Г. БАННИКОВ

Введение

Однажды летом — мне тогда шел шестой год — родители привезли нас, детей, в Фальстербу. От этой поездки у меня осталось два особенно ярких воспоминания.

Первое — вонючая полусгнившая шкура какого-то животного, которую мы с братьями безуспешно пытались вытащить из песка. Скорее всего, она принадлежала крупному тюленю, но мы-то не сомневались, что нашли «великого морского змея»!

Второе воспоминание — встреча с черепахой, принадлежавшей одной старой даме, которая разрешала мне кормить ее любимицу листочками салата. Мне было чуть-чуть страшно, потому что я слышал от кого-то, будто эта самая черепаха откусила мальчику палец. Выдумали, конечно, но я поверил. И никак не мог наглядеться на редкостное животное, часами наблюдал его. Ведь я еще никогда не видел живых рептилий, и черепаха воплощала для меня странный, неведомый мир, который до тех пор представлялся мне сказочным.

А через несколько лет родители подарили нам маленькую греческую черепашку, у которой всегда был сонный и недовольный вид и которую мы, неведомо почему, назвали Крошкой. На летние каникулы наша семья поселилась на хуторе в Бергслегене; здесь черепаха паслась на огороженной лужайке. В один прекрасный день она исчезла. Мы долго искали ее, пока не потеряли всякую надежду увидеть вновь нашу Крошку. Все очень огорчались, представляя себе, какая страшная участь ее ждет. Летом-то ей только хорошо на воле, а вот как настанет зима, грянет мороз, тут уж Крошке не сдобровать...

Начался сенокос. Мы с братьями тоже работали. Арендатор Карлссон управлял косилкой, а нам доверили ворошить сено. Вдруг Карлссон остановил лошадь.

— Тьфу, нечистая сила! — закричал он. — Глядите-ка, ребята, — в старом ботинке змея притаилась! Давайте сюда косу, я ее зарублю!

Змея? Мы со всех ног бросились к нему. И покатались со смеху. Какая же это змея и какой же это башмак — в траве лежала наша Крошка!

— В жизни не видал твари чуднее, — сказал Карлссон, придя в себя и с опаской поглядывая на маленькую черепаху.

Как раз в то лето мой брат Курт и я начали собирать всевозможных животных. У нас были полные коробки бабочек и жуков, в банках и пробирках с формалином лежали лягушки, ящерицы, черви, личинки. Гордостью нашей коллекции были

блоха (весьма редкое животное в Швеции) и крупная гадюка с удивительно красивым узором вдоль спины. Мама обнаружила ее на клумбе и уже замахнулась граблями, но мы с Куртом успели предупредить расправу. Правда, змею все равно ожидал трагический конец, но, во всяком случае, смерть ее была не такой мучительной. Мы поймали ее суком с рогаткой на конце, положили в жестянку и усыпили эфиром. Потом законсервировали гадюку в формалине, стащив у мамы самую большую банку для варенья и украсив ее аккуратной этикеткой.

За первой змеей последовали другие, и постепенно мы перестали их бояться. Однако репортер, который написал, будто Курт и я, чтобы потешить папу и маму, приносили домой живых гадюк и изображали укротителей змей, сильно преувеличивает!

Зато много лет спустя другой журналист, посетивший наш дом в Стокбю, ничуть не погрешил против истины, когда рассказывал:

«...Как только ваш корреспондент вошел в дом Бломбергов, его встретили не совсем обычным в шведских условиях предупреждением:

— Не наступи на носуху! Там в углу крокодил!

Что и говорить, в доме гостило множество экзотических животных. По комнатам, уписывая свои любимые бананы, бегала шестимесячная носуха¹ Чиппен, под мебелью прятались крокодилы разных видов и возрастов, важно шествовала по полу редкая черепаха с Галапагосских островов».

Этот репортер побывал у нас, когда я вернулся из своего второго большого путешествия в Южную Америку. Неистребимое желание увидеть животный мир, богатством и своеобразием превосходящий наш, шведский, привело меня в тропики. За первыми двумя путешествиями последовали новые, в разные части света, откуда я привозил зоологические коллекции для наших музеев, а иногда и живые экспонаты. Сбылась мальчишеская мечта!

Теперь я с радостью отмечаю, что мои дети не меньше меня увлекаются животными. Уже в три года — мы жили тогда в Эквадоре — Андерс помогал мне ловить лягушек, ящериц и насекомых.

Собираясь в очередную экспедицию, я спросил сына, что ему привезти.

¹ Носуха (*Nasua*) — род американских енотов, включающий несколько видов, живущих в Южной, Центральной и южной части Северной Америки. Длина зверьков, с пушистым хвостом, который равен туловищу, около метра. Получили свое название благодаря коботообразно удлиненной морде. Живут в лесах, хорошо лазают по деревьям, роют землю сильными лапами с длинными когтями. Кормятся червями, насекомыми, моллюсками, а также плодами, корневищами и другой растительной пищей. Носух повсюду держат в неволе, выкармливая молодых молоком и плодами. Быстро привыкая к людям, они становятся очень забавными, охотно играют с детьми, возятся с собаками и кошками.

— Медвежонка,— сказал он сперва.

Потом передумал.

— Нет, лучше большую-пребольшую лягушку.

Он получил ее. Я подарил ему великолепную жабу, и он был самым счастливым ребенком на свете, каждому показывал свою драгоценность. Правда, не все гости разделяли его восторг.

— И я тебе подарок сделаю, папа, — сказал Андерс и принес какую-то коробку из своих тайников.

— Ах, вот она! — воскликнула мама. — А я-то ишу, куда подевалась коробка из-под духов!

Теперь от коробки пахло вовсе не духами. Но это не смущало мальчугана. Бережно, осторожно, словно речь шла о жемчужине, он извлек свой улов — огромного старого таракана.

Я написал эту книжку для таких же увлеченных. Речь пойдет о пресмыкающихся, с которыми я встречался в Южной Америке, Индонезии, Австралии и Африке. Но сначала стоит, пожалуй, напомнить, что мы еще в школе узнали о рептилиях.

Класс Reptilia делится на пять подклассов¹: крокодилы, черепахи, змеи, ящерицы и клювоголовые (единственный представитель — гаттерия, уцелевшая на маленьких островках у берегов Новой Зеландии). Все они позвоночные с трехкамерным сердцем, только у крокодила оно четырехкамерное. Дышат они всю жизнь легкими. Кожа покрыта роговыми чешуями или щитками. Пресмыкающиеся, как и рыбы и лягушки, холоднокровные животные. Это означает, что температура крови у них меняется в зависимости от температуры окружающей среды — воздуха или воды.

Обилие ископаемых находок показывает, что это очень древний класс; его расцвет пришелся на период от шестидесяти до двухсот миллионов лет назад, когда широко распространились огромные страшные ящеры, так называемые тиранозавры. И в наше время известно много видов рептилий, правда, нет таких великанов, какие были в далеком прошлом.

Больше всего рептилий в жарких поясах. В нашей холодной Швеции из двух с половиной тысяч видов змей планеты представлены только три — гадюка, уж и медянка. Ящериц известно около двух тысяч семисот видов, а мы встречаем лишь живородящую и прыткую ящерицу и веретеницу (она же медяница). Чтобы увидеть диких черепах и крокодилов, надо отправиться на юг, в теплые края.

Так я и сделал. Я поехал на Галапагосские острова в Тихом океане.

¹ В настоящее время общепринятая классификация рептилий следующая: четыре отряда — крокодилы, черепахи, чешуйчатые (змеи и ящерицы) и хоботноголовые (гаттерия),

Исполинские черепахи и морские ящерицы

Первое путешествие в тропики я совершил, когда мне исполнился двадцать один год. Перед этим меня в Государственном музее естественной истории научили, как следует консервировать и препарировать животных; тот же музей поручил мне собрать возможно более полную коллекцию фауны Галапагосских островов.

Понятно, я очень волновался, впервые отправляясь в незнакомую часть света. Никакими словами нельзя описать мою радость, когда я после месячного плавания через Атлантический океан, Панамский канал и вдоль побережья Южной Америки сошел на берег крупнейшего портового города Эквадора — энойного и живописного Гваякиля, где мне предстояло пересесть на другой пароход, идущий на Галапагосский архипелаг.

Пока я ждал судна, у меня было достаточно времени хорошенько узнать Гваякиль. И я заранее соприкоснулся с удивительным миром, который ожидал меня на островах. Я познакомился с профессором Мартином Фёгели, экспортером шкур и животных. Этот симпатичный швейцарец жил буквально в зверинце. Во дворе у него можно было увидеть откормленную дикую свинью, дикобразов, кинкажу¹ и носух, разных черепах, попугаев, цапель и уток. В доме профессора обитали две обезьянки-саймири, которые очень искусно ловили москитов. Однажды, только я хотел сесть в кресло, как хозяин остановил меня: там лежал, свернувшись клубочком, небольшой удав. А когда я решил умыться, он попросил меня быть поосторожнее, потому что в ванной сидели крокодилы, предназначенные для одного из зоопарков США.

У профессора Фёгели я встретился и с гигантскими галапагосскими черепахами. Посмотрел бы на них арендатор Карлссон,

¹ Кинкажу (*Potosflanus*) — небольшой американский енот, ростом с кошку, с длинным цепким хвостом. Живет в лесах от Мексики до Бразилии. Образом жизни напоминает обезьяну. Днем скрывается в дуплах, а ночью отыскивает плоды, мед, беспозвоночных животных. Кинкажу часто держат в домах, и он хорошо привыкает к человеку, привыкает к кличке, ласков и игрив.

который так испугался нашей Крошки! Особенно на ту, что весила двести с лишним килограммов. Ноги у нее были почти как у слона; недаром этих черепах еще называют слоновыми. Я частенько ездил на них верхом, используя старый трюк — держал перед мордой черепахи привязанный на палке банан или апельсин.

И вот, наконец, я вышел из Гваякиля курсом на Галапагос — или на Край Света, как называл американский исследователь Уильям Биб эти вулканические острова, лежащие в Тихом океане вдали от всех морских путей, в тысяче километрах к западу от маленькой республики Эквадор.

Семь дней в переливающимся солнечными блесками бирюзовом океане — и я на острове Сан-Кристоваль. Потом я посетил другие острова и только через восемь месяцев вернулся на материк.

Это были незабываемые месяцы: сухопутные и морские походы, рыбная ловля, охота, ловля животных... Мои коллекции росли с каждым днем: баки, банки, пробирки наполнялись красивыми и уродливыми обитателями островов и окружающих вод.

На Галапагосе много удивительных животных, настоящих зоологических редкостей. Например, баклан, который научился летать, или самый маленький и самый северный в мире пингвин, или единственный гнездящийся в тропиках альбатрос. Но меня увлекали рептилии, и прежде всего огромные черепахи и ящерицы.

От этих черепах, которые по-испански называются galápagos, острова и получили свое название. Некогда архипелаг кишел бронированными исполинами. Но из пятнадцати видов, известных раньше, одни вымерли, другие почти истреблены. Только в самых глухих уголках двух-трех крупнейших островов черепахи встречаются часто.

Тысячелетиями они жили в мире, не зная никаких врагов, и развелось их несчетное множество. Но вот появился наиболее страшный из всех хищников — человек, и началось истребление беззащитных животных. Пираты и китобои набивали трюмы мясом, убивали тысячи черепах ради жира, который мореплаватели предпочитали даже оливковому маслу. За этим жиром снаряжались целые экспедиции; это было форменное избиение. До сих пор у водоемов, к которым приходили черепахи, можно увидеть тысячи скелетов, свидетельствующих о людской жестокости. И совсем худо стало, когда люди ввели на архипелаг свиней и собак. Свиньи раскапывали и пожирали черепаший яйца, а собаки ели маленьких черепашат — у них очень мягкий панцирь. Теперь черепах убивать запрещено, однако ни постоянные жители островов, ни гости не подчиняются этому запрету. А одичавшие свиньи и собаки бесчинствуют по-прежнему¹.

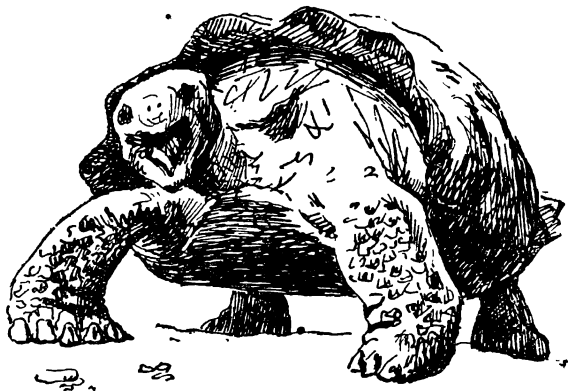
¹ На Галапагосских островах в настоящее время организован Международный заповедник.

Дольше всего я пробыл на острове Санта-Крус. Здесь, на южном берегу, есть район Ла-Фе, названный так по имени рыболовного судна, которое потерпело крушение и было выброшено волнами на берег. Между могучих кактусов, густых кустов и суховатых деревьев ползали сухопутные черепахи. За три дня, проведенных в Ла-Фе, я насчитал сотни черепах всех возрастов, в том числе около тридцати 100-килограммовых. Среди взрослых животных преобладали самки; они явно приходили сюда откладывать яйца. В красной почве повсюду были гнезда, и местами мы находили круглые, чуть больше бильярдного шара белые яйца. Гнезда с яйцами были закрыты довольно толстой приметной коркой; по словам здешних жителей, черепаха, отложив яйца, орошает землю собственной мочой.

В Ла-Фе я подобрал панцирь на редкость крупной черепахи, убитой несколько лет назад. Этот панцирь я подарил одной норвежке, переселившейся на Галапагос. Получилась красивая и необычная кровать для младшего члена семьи.

Таких исполинов я увидел живьем лишь много лет спустя, когда приехал на Галапагосские острова в третий раз. Это было в самой труднодоступной части Санта-Крус. Черепашью обитель открыли с воздуха, причем совершенно случайно. Во время второй мировой войны американцы построили на острове Южный Сеймур военную базу и аэродром. И вот, совершая разведочный полет, экипаж одной машины неожиданно заметил среди саванны Санта-Круса несколько водоемов. Летчики спустились пониже, чтобы получше присмотреться, и неожиданно разглядели множество громаднейших черепах. О своем открытии они рассказали островитянам, те пробрались туда и в самом деле нашли черепах; одни лежали в лужах и болотах и пили воду или принимали освежающие грязевые ванны, другие паслись на полянах, будто скот. С разных сторон к водоемам сходились тропы.

Исполинская черепаха с Галапагосских островов. Красавицей ее не назовешь!

Местные жители никому не рассказывали об этом тайнике. Но один из них, зная, что я охочусь только с киноаппаратом, проводил меня в черепаший угодья.

Два дня мы шли по тяжелой болотистой местности. Кое-где приходилось топорами расчищать в зарослях путь для себя и осла, который нес наш багаж — провиант, палатки, камеры. То, что предстало нашему взгляду на третий день, вознаградило нас за все труды. Мы словно перенесли в седую древность.

В болоте шириной с полсотни метров лежало восемь здоровенных черепах; кругом на полянах и в зарослях мы насчитали еще десятков-полтора. Все они были намного крупнее тех, которых я фотографировал в Ла-Фе; я мог поклясться, что иные весили по 150—200 килограммов, а то и больше. Они были совсем непуганые — только, когда мы подходили вплотную, втягивали в панцирь голову и ноги и слышался свист вытесняемого воздуха. Эти черепахи почти глухие, можно рядом стрелять, а им хоть бы что.

Они были, несомненно, весьма преклонного возраста. Черепахи вообще относятся к самым долговечным животным на земле, а галапагосским великанам, считают многие исследователи, принадлежит рекорд — они доживают до 200—250 лет. Можно услышать и цифру 500 лет, но это, скорее всего, преувеличение.

О внешности исполинских черепах английский капитан Вудс-Роджерс, посетивший Галапагос в прошлом веке, писал: «В природе нет ничего безобразнее этой твари с панцирем, черным, как уголь, похожим на крышу старого экипажа». Его современник, американский военный моряк Дэвид Портер, так подвел итог своим впечатлениям: «Трудно представить себе более неуклюжее и неприятное на вид животное».

Что верно, то верно — красавицами их не назовешь (хотя, на мой взгляд, есть животные поуродливее). Когда черепаха вытянет свою морщинистую шею и разинет беззубую пасть с мясистым, словно распухшим, языком, никого не потянет целоваться с ней. Зато маленькие черепашата очень милы, и панцирь их покрыт тонким узором, словно, вырезанным рукой китайского мастера. И ведь так со многими животными: взрослые кажутся нам уродами, а детеныши хороши. Я не знаю среди млекопитающих зверя, который был бы на вид гротескнее, чем бегемот. А бегемотенком можно залюбоваться!

В черепаших угодьях я снял много уникальных фотографий и кинокадров. Наша палатка стояла на поляне возле одной из троп, ведущих к водоему, и часто громадные рептилии шествовали мимо лагеря. Они двигаются медленно (высшая скорость не больше трехсот метров в час!), но верно, словно танки, ломая кактусы и ветки на своем пути. Иногда на спине черепахи едут бесплатные пассажиры — птички, которые склеивают с панцирем случайно прилипшие семена, ловят мух и прочих насекомых.

Галапагосские черепахи — растительноядные, но не отказываются и от скоромной пищи. Мой гваякильский друг, профессор Фёгели, провел интересные наблюдения и убедился, что черепахи не только охотно едят мясо, но и сами умеют его добывать. Он бросал им крыс, которые попадались в его крысоловки, рептилии уписывали их с удовольствием. А одна из них, весом в полтораста килограммов, загрызла и сожрала попугая, у которого были подрезаны крылья. Потом она же очень ловко убила носуху — выпрямив ноги, замерла, как изваяние, и, когда носуха забралась под нее, раздавила несчастную своим весом. Это не была случайность: она всегда привставала, когда к ней подходили куры и утки или другие обитатели профессорского сада.

Из своих двух первых поездок на Галапагосские острова я привез немало огромных черепах в Швецию. Одна попала в стокгольмский зоопарк, другие — в Музей естественной истории, еще несколько — в Аквариум в Гётеборге. Их нетрудно перевозить, надо только оберегать от холода. Упомянутый выше капитан Портер сообщает, что заходившие на Галапагос китобой грузили на суда по двести-триста черепах в запас, и они, «как ни удивительно, жили в трюмах по году без воды и пищи».

Наши музеи получили от меня и других редких пресмыкающихся с Галапагосских островов, правда, не живых, а законсервированных. Это были ящерицы — морские игуаны и конолофы. Особенно своеобразна первая из них, единственная в мире подлинно морская ящерица. Она встречается на островах в огромном количестве, можно видеть колонии по несколько тысяч животных, которые настолько бесстрашны, что лишь с величайшей неохотой уступают дорогу человеку. Самые крупные достигают ста тридцати сантиметров в длину, цвет — серо-черный с зеленым и кирпичным отливом, вдоль спины тянется гребень из острых роговых шипов. Покрытая крупной чешуей морда делает их похожими на древних динозавров в миниатюре. Это миролюбивейшие животные; когда вы их лозите, они, конечно, вырываются, но не пытаются укусить вас, только сердито кивают головой, да иногда выпускают из ноздрей две струйки воды. Будь это не вода, а огонь — вот вам и маленький дракон! Но если морская ящерица сумеет спрятаться между шероховатых камней, которых на этом вулканическом острове бездна, извлечь ее оттуда почти невозможно, даже за хвост. У нее острейшие когти, она цепляется ими за малейшие неровности и в то же время вся раздувается. Тяни за хвост, дергай, сколько влезет, она как в тисках зажата.

В своей книге о Галапагосе Уильям Биб рассказывает о бесстрашии морских ящериц. «Чтобы проверить, можно ли привить им чувство страха, я поймал в силок ящерицу средней величины, подбросил ее в воздух, несколько минут поиграл с ней, потом отпустил на волю. Она отбежала на несколько метров, повернулась и посмотрела на меня. Без сопротивления дала снова

Морская ящерица на глыбе застывшей лавы.

поймать себя. Шесть раз я ловил ее, играл ею—и ничего, разве что она стала ручнее после такого немилосердного обращения. Любое другое животное было бы вне себя от ужаса».

Когда я говорю, что это единственная подлинно морская ящерица, это не значит, что она большую часть времени проводит в воде. Просто она всю свою пищу добывает в море. В прилив морские ящерицы неподвижно лежат на камнях и утесах, но в отлив они сползают вниз и принимаются есть водоросли. Они превосходно плавают и ныряют, даже среди бушующего прибоя, однако редко идут в воду по своей воле. Это и к лучшему, ведь море здесь кишит акулами. Если бросить ящерицу в волны, она тотчас возвращается на берег.

Но и на суше у нее есть враги — одичавшие собаки. Люди перестали преследовать морских ящериц: кожа у них грубая, за нее плохо платят, мясо не очень-то вкусное. Правда, я знавал одного старика, который чуть не каждый день ловил себе морскую ящерицу на обед.

— Не потому, чтобы я их так любил, да и вид у них довольно противный,— объяснял он.— Тут другое: я слишком ленив, чтобы ловить морских черепах или охотиться на коз и свиней. А мяса хочется.

Сходство морской ящерицы с драконом помогло одному американцу снять потрясающие кинокадры. Он сделал из картона миниатюрный город, где дома были не больше коробки из-под печенья, и пустил в него «драконов». Началась катастрофа: здания рушились, сминались под ногами ящериц, весь город обратился в развалины. Получился драматический эпизод, достойный знаменитого фильма «Затерянный мир».

Вторая галапагосская ящерица, кополоф,— сугубо сухопутное животное. Величиной она примерно равна своей родственни-

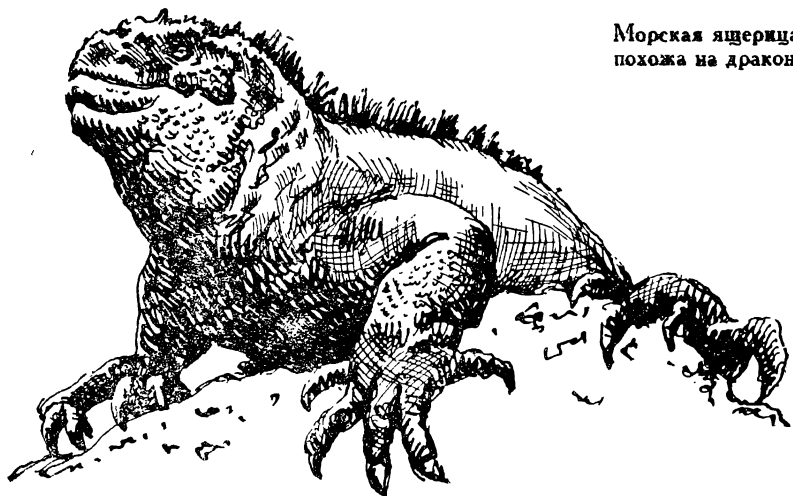
це, но насколько красочнее — белый, желтый, оранжевый, кирпичный, черный цвета. Зато нрав у нее сварливый; когда ло-вишь конолофа, он норовит укусить, а челюсти у него сильные и зубы острые, — так цапнет, долго будешь помнить!

Впервые я встретился с конолофом на острове Южный Сеймур, в лошине, которую мы назвали Долиной смерти, такое множество козжих скелетов и черепов там валялось. Мрачное впечатление усугубляли темные отверстия пещер в скале, и росли тут одни лишь огромные кактусы. Словно преисподняя с рисунка Доре.

Мы только что сошли на берег и развели костер, чтобы сварить рис, когда мой проводник, норвежский поселенец Стампа, дернул меня за руку и показал на большое оранжевое животное. Старый конолоф, не торопясь, шел прямо на нас. Казалось, он презрительно усмехается. Вдруг заметил нас и остановился. Я встал, он сердито затряс головой. А когда я шагнул вперед, конолоф с неожиданной прытью бросился наутек. Я — за ним, но только хотел схватить его за хвост, как он юркнул между камнями. Лишь кончик хвоста торчал наружу, и все-таки мне удалось вытащить старика из его убежища. Он разозлился, попробовал меня укусить, но не дотянулся и повис неподвижно вниз головой. Я отпустил его; конолоф побежал к камням и забился в расщелину.

На поляне в глубине острова нам попались целые колонии конолофов, по тридцать-сорок штук в каждой. Они жили в глубоких норах в красной земле — поди, доберись! Некоторые лизали и выглядели настоящими оборванцами. Другие, только что сбросившие старое облачение, были просто великолепны.

Морская ящерица
похожа на дракона.

На беду конолофов, у них отличное мясо; в итоге, за ними, как и за черепахами, охотятся и люди, и собаки. Правда, на самых маленьких и засушливых островках, где нет ни людей, ни собак, ящериц еще много. Они не спеша расхаживают на широко расставленных ногах и поедают листья и цветы (уплетают, несмотря на длинные игловидные шипы, даже листья и цветки кактуса) или лежат в тени — кто спит, кто предается неге, с неизменной издевательской улыбкой на своей уродливой морде. Конолоф тоже в основном вегетарианец, но и мясом не пренебрегает. Я видел конолофа, который ел кузнечика, другой закусывал мертвой птицей.

Уильям Биб подметил, что они особенно любят плоды кактуса. Он забавно описывает, как конолофы добывают себе пищу. «Я удивился: их действия казались более разумными, чем у любых пресмыкающихся, каких я прежде наблюдал. Две ящерицы стояли под опунцией (крупный кактус). Одна из них приподнялась и стала медленно постукивать лапой по стволу. Сперва я решил, что она задумала лезть вверх, потом понял, что дело не в этом. Долго ящерица стучала впустую, наконец на землю упало два плода. Второй конолоф подскочил и мигом, не разжевывая, проглотил оба плода вместе с колючками. Тогда первый схватил его за ногу и больно укусил. Второй вырвался и убежал в тень под другим кактусом. Первый не стал больше добираться до «зеленого винограда», а лег на брюхо и предался грезам, которые посещают галапагосских конолофов. Наверно, им грезится край, где колючие плоды падают ящерицам прямо в рот и никто не крадет их...».

Исследуя желудок одного конолофа, Биб нашел в нем пять целых плодов кактуса, а также множество листьев и цветков разных растений.

Если считать виды, Галапагос не богат пресмыкающимися. Кроме описанных, есть некоторые ящерицы поменьше, в частности красивые килехвостые; известен один вид змей, совершенно безопасный. И все-таки, попав на Галапагос, чувствуешь себя так, словно ты перенесся в далекую древность, когда на земле господствовали ящеры, — так много здесь рептилий.

Лов змей в Индонезии

После двух путешествий в Южную Америку и на Галапагосские острова я отправился на Калимантан, третий по величине остров мира (только Гренландия и Новая Зеландия превосходят его). И на этот раз у меня было поручение собирать зоологический материал для наших музеев. Кроме того, гётеборгский Аквариум просил меня привезти коллекцию живых рептилий. Девять месяцев провел я на Калимантане, забираясь в самые далекие и неизведанные уголки глухих лесов, потом поехал на Яву. И, наконец, двинулся в обратный путь, везя с собой в Швецию множество пресмыкающихся как живых, так и мертвых.

Первые трофеи я добыл на маленьком островке Нунукане у северо-восточного берега Калимантана. Здесь я гостил у лесовода Эрика Люндквиста, который сам очень интересуется животными. Услышав, что мне нужны рептилии, он тотчас организовал отлов. В его подчинении были сотни лесорубов — малайцы, даяки, китайцы, и вот он велел десятникам, чтобы их бригады собирали для меня живые экспонаты.

Уже на второй день один малайский рыбак принес мне живую, невредимую морскую змею почти двухметровой длины. Это был великолепный ластохвост, желтоватый, с бурыми поперечными полосами и сплюсненным с боков хвостом. Я поместил его в корыто с водой, чтобы получше изучить. В воде он двигался быстро и ловко, как угорь, а на суше был совсем беспомощен. Рыбак рассказал мне, что морские змеи частенько забираются в верши; так и эта попалась. Известно около пятидесяти видов морских змей, и все они смертельно ядовиты. Вот и теперь я услышал, что около Тавао, неподалеку от Нунукана, змея укусила рыбака, который проверял свою вершу, и он в страшных мучениях умер через три часа. Правда, на купающихся морские змеи редко нападают. Если встретишь в воде змею, она, как правило, быстро уходит.

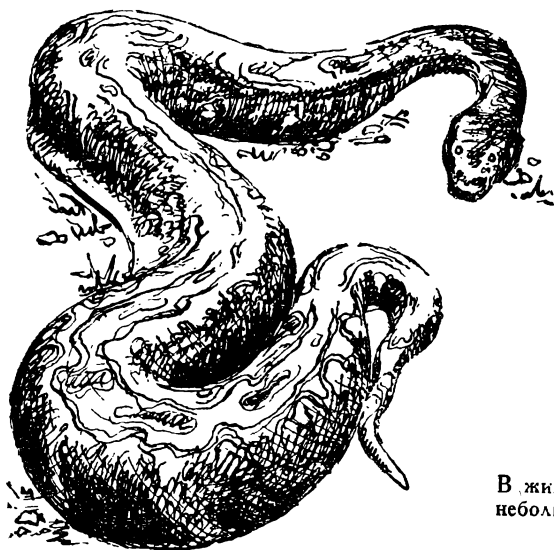
Часто можно увидеть с корабля морских змей у самой поверхности моря. У тихоокеанского побережья Панамы я однажды, меньше чем за час, насчитал их около полусотни. В той части Тихого океана есть только один вид — желтобрюхи. Все

остальные виды обитают в области от Персидского залива до западной окраины Тихого океана. В Плаиас — так называется курорт на побережье Эквадора — я поймал желтобрюха, который в отлив оказался на суше. Змея лежала, как мертвая, но едва я поднес к ней руку, как она стала яростно извиваться, стараясь меня цапнуть.

Нуноканский ластохвост был очень смиренным. Мы с Эриком много раз вынимали его из воды, чтобы осмотреть и сфотографировать; он ни разу не попытался нас укусить.

Моим вторым трофеем был питон; его я нашел в клетке, в которой Эрик держал макаку. Обезьяны, как и люди, испытывают подсознательное отвращение к змеям, и на питона мое внимание обратила макака. Оцепенев от ужаса, она смотрела в угол клетки и дико визжала. Там, свернувшись пестрым клубком, лежала змея. Это был сетчатый питон, самый красочный представитель этого подсемейства и самый крупный: он достигает больше десяти метров в длину. Судя по вздутию на брюхе, он только что сожрал крысу или еще какое-нибудь мелкое животное.

Нунукац вообще богат питонами. Мне рассказали, что на болоте в лесу вблизи бунгало Эрика обитает настоящий великан. Островитяне боялись его, утверждали, что он длиной около пятидесяти метров. Даже если они преувеличивали в пять раз, все равно питон был редкостный, и я вместе с одним охотником

В животе у этого питона
небольшой олень.

малышцем целую неделю прочесывал густую колючую чащу. Мы заглядывали в норы, в старые дупла, все осмотрели, но гигант словно сквозь землю провалился.

Эрик во время своих походов часто встречал и убивал питонов длиной и в семь, и в восемь метров. Когда я приехал на Нунокан, он показал мне распухшую руку — память о поединке с удавом. За несколько дней до того он у дверей спальни поймал трехметрового питона, но не остерегся, змея укусила его, и рана воспалилась. Надо сказать, что укус неядовитой змеи опасен — гниющие остатки пищи у нее на зубах могут вызвать воспаление.

Питон, как и великаны Нового Света боа и анаконда (о них я расскажу дальше), пользуется среди местных жителей дурной славой, которая в общем-то не заслужена. Я знаю только два случая, приведенных голландским зоологом Феликсом Копштейном, когда нападение питона на человека привело к печальному исходу. В одном случае шестиметровый питон сожрал четырнадцатилетнего мальчика, в другом — десятиметровый исполин заглотал взрослую женщину. На Нунокане один из рабочих Эрика, отправившись на охоту, еле вырвался из объятий удава. Идя через джунгли по узкой тропе и выматривая следы, он слишком поздно заметил огромного питона, который лежал на суку и подстерегал добычу. Удав молниеносно обвился вокруг него и стиснул. Охотнику удалось освободить одну руку, и он принялся рубить змею парангом, пока не заставил ее отпустить его. У него было сломано несколько ребер, и он долго болел после этой передраги.

Своего самого крупного питона Эрик нашел... в курятнике! Куры подняли страшный шум. Эрик пошел туда и обнаружил, что через окошко к ним забралась громадная змея. Он закрыл окошко и пошел за ружьем. Вернулся к курятнику — что такое: змея удирает в лес! Окно закрыто, как же питон выбрался? Оказалось, он пробил дыру в дощатой стене, словно она была бумажная! Эрик угостил его пулей и стал обладателем красивой кожи длиной восемь метров.

В Индонезии можно услышать много поразительных и неправдоподобных историй о питонах. Мне особенно запомнился рассказ одного голландца. Бродя по лесу, он вдруг увидел двух здоровенных змей, которые в драке совсем переплелись друг с другом. Одна была мертва, а вторая... пожирала сама себя! Уже заглотала полметра собственного хвоста, в полной уверенности, что это противник. Ведь говорят же, что борцы иногда в пылу схватки выворачивают собственную ногу...

Что можно сказать об этой истории? Пожалуй, самое правильное — не верить девяноста пяти процентам таких рассказов, а остальные пять подвергать сомнению и проверке. Естественно, самые невероятные вещи можно услышать именно об удавах. Что питон сам себя пожирал — это, конечно, басня. Но через

несколько недель после прибытия на Нунукан я своими глазами увидел, как питон задушил себя!

А было это так. Два островитянина принесли мне четырехметрового питона, пойманного в курятнике. Он попался в силки; не снимая силка, они привязали к нему веревку. Я поместил питона в мешок на время, пока будет готова для него клетка. На тот случай, если змея выберется из мешка, я привязал веревку за перила террасы моего дома. Сколотил клетку, заглянул в мешок — питон мертв! Он так крутился и извивался, что сам себя задушил. Вербка прорезала и кожу, и мясо...

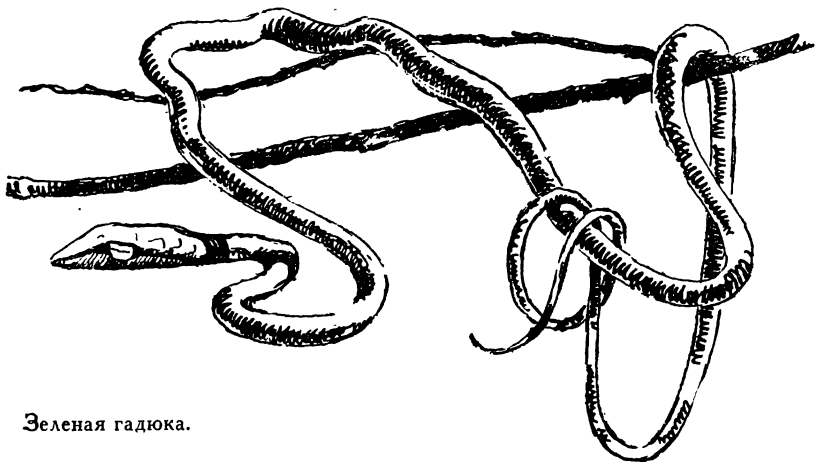
Но вернусь к моим первым трофеям на Нунукане. В тот самый день, когда я нашел питона у макаки, два улыбающихся даяка принесли мне в маленьких бамбуковых клетках по зеленой гадюке с большой треугольной головой. Эти змеи живут и на деревьях, и на земле. Особенно много их было в бамбуковых зарослях. Они очень флегматичны, так что ловить их легко. В отличие от большинства змей, зеленые гадюки не уходят с дороги при появлении человека, а продолжают невозмутимо лежать на месте. Это удобно для ловца змей, но вообще-то чревато риском для того, кто ненароком наступит на змею. Один малаец уверял меня, что зеленая гадюка шесть дней лежит неподвижно, и только на седьмой отправляется на охоту. Это нелепое представление, наверно, вызвано тем, что она — ночное животное, днем ее редко увидишь.

На следующий день моя коллекция пополнилась змеей у л а р ч и н - ч и н м а с; так малайцы называют удивительно красивую, черную, с яркими желтыми кольцами древесную змею. У нее ядовитые зубы лежат на заднем конце верхней челюсти, так что она неопасна для человека, но нужно осгерегаться, чтобы не спутать златокольчатую с ядовитыми крайтами, которые принадлежат к тому же семейству, что кобры. Крайт и златокольчатая очень похожи друг на друга.

В прибрежных болотах и манграх Нунукана было очень много у л а р ч и н - ч и н м а с. Однажды, поднимаясь на лодке вверх по реке, я насчитал на деревьях одиннадцать златокольчатых змей, несмотря на то, что они ведут преимущественно ночной образ жизни и днем обычно прячутся. Я нарочно спугнул нескольких змей, чтобы посмотреть, как ловко и быстро они лазают по деревьям — буквально скользят по веткам, почти вертикально поднимаются по стволу.

Итак, за три дня у меня набралось пять змей, представляющих четыре вида. Начало многообещающее! Но дальше дело пошло хуже. Лесорубы носили мне множество рептилий, я и сам с помощью моего малайского друга поймал несколько штук, но новые виды попадались редко. Все те же зеленые гадюки, питоны и златокольчатые... Ладно, может быть, лучше повезет на «большой земле» — на Калимантане.

Но сперва расскажу еще про один случай на Нунукане.

Зеленая гадюка.

— Ой, что это! — услышал я однажды испуганный крик поварихи. — Поглядите, у него на шее живая змея!

Я вышел. В самом деле: стоит малаец, а у него вокруг шеи вместо шарфа обвился небольшой питон!

— Хотите купить, туан?¹ — спросил он.

— Он что, ручной?

Малайцы иногда держат питонов в своих домах и кладовках, чтобы истребляли крыс. Такие питоны привыкают к человеку и становятся совсем ручными. Даже Эрик завел у себя на складе трехметрового удава.

Но малаец ответил, что питон только что пойман.

— Ну, знаешь, — не поверил я, — тогда бы он не вел себя так смирно!

— А меня никакие змеи не кусают! — рассмеялся малаец.

Я решил, что он подтрунивает надо мной, и протянул руку к питону. Удав попытался меня укусить. Может быть, у малайца был дар укротителя? Есть люди, которые умеют обращаться со змеями настолько уверенно и спокойно, что не вызывают у них агрессивных инстинктов.

— Если тебя змеи не кусают, поиграй вот с этими, — в шутку предложил я ему, показывая на клетку, в которой лежали три гадюки. — Только помни, они очень ядовитые.

Малаец подошел к клетке, открыл ее и преспокойно взял в руки двух гадюк. Он обращался с ними далеко не осторожно: схватил их так, что они вполне могли его укусить. Но змеи его не тронули.

— Ну, теперь туан мне верит? — торжествующе воскликнул он. С острова Нунокан я отправился в дебри Калимантана.

¹ Туан — форма обращения: в переводе с индонезийского языка значит «господин».

Больше всех меня занимала королевская кобра. Это самая крупная из ядовитых змей, она достигает пяти метров в длину. Местные жители ее очень боятся. Когда кобра охраняет яйца, она бросается на каждого, кто приблизится, будь то человек или животное, а яд у нее очень сильный. Один англичанин, в правдивости которого я не сомневаюсь, рассказал мне, что его дважды атаковали кобры, но оба раза ему удалось их убить прежде чем они его укусили.

К счастью (и на беду змееловов), королевские кобры довольно редки на Калимантане. Один раз мы с малайцем Авангом заметили очень длинную темно окрашенную змею, которая ушла от нас в чащу. Аванг уверял, что это была королевская кобра. Надо сказать, что кобры бывают самой различной окраски, и их легко спутать с безобидными ужами. Молодая королевская кобра — черная, с отчетливыми белыми или желтоватыми поперечными полосами; с возрастом краска может перейти в бурую, оливково-зеленую, грязно-желтую, а светлые полосы почти пропадают. Спокойная кобра не похожа на изображение, которое мы привыкли видеть; лишь нападая, она угрожающе раздувает шею.

Мне удалось поймать только черную кобру одного из трех известных на Калимантане видов. Рядом с королевской она небольшая; самая длинная не превышает 1,9 метра.

Но однажды вечером — я уже лег спать — Аванг разбудил меня известием, что один даяк¹ принес большую черную змею. Памятуя мои указания, он попытался взять ее невредимой, однако змея была очень сильная и вырвалась у него из рук. Тогда он ударил ее своим мечом — мандау — и ранил; все же даяк надеялся получить от меня в награду немного табака. Я вышел посмотреть на добычу и увидел... королевскую кобру. А он ловил ее руками! Кобра чуть шевелилась, это были уже предсмертные судороги. Я измерил ее — триста шестьдесят сантиметров; крупная, но до рекорда далеко. Она была темно-оливкового цвета. Меч рассек ей голову и тело, поэтому я не стал класть кобру в спирт, а только снял с нее кожу.

Я спросил смельчака, много ли в этих местах королевских кобр. Он ответил, что убил уже несколько штук, причем две из них были куда больше этой. (Не исключено, что он хвастался). Даяк отлично знал, что это опасная змея; с год назад от укуса кобры погибла женщина из его деревни.

Я пообещал щедрую награду за целый экземпляр, а пока дал ему соли и табака. К сожалению, мне так и не добыли неповрежденной кобры.

Однажды я увидел, что Аванг разрезает на три части змею длиной около тридцати сантиметров, и дает по куску двум дру-

¹ Даяк — собирательное название для коренных жителей Калимантана, В переводе с малайского языка значит «житель внутренних областей».

гим малайцам из моего отряда. Я никогда прежде не видел такой змеи, сперва даже принял ее за веретеницу, потому что брюхо у нее тоже было покрыто чешуей. И я стал распекать Аванга: зря он ее искалечил.

— Ты же видишь, как я стараюсь добыть всяких необычных животных, а сам испортил такую редкость!

— Что вы, ее грех класть в спирт,— возразил Аванг.— У нас считается счастьем найти эту змею. Надо высушить кусок и носить на себе, лучшего талисмана не придумаешь. Ее зовут улар кепала дуа — змея с двумя головами. У нее с обоих концов по голове. Это поразительное животное! Она не может сдвинуться с места — каждая голова в свою сторону тянет, вот и не получается ничего.

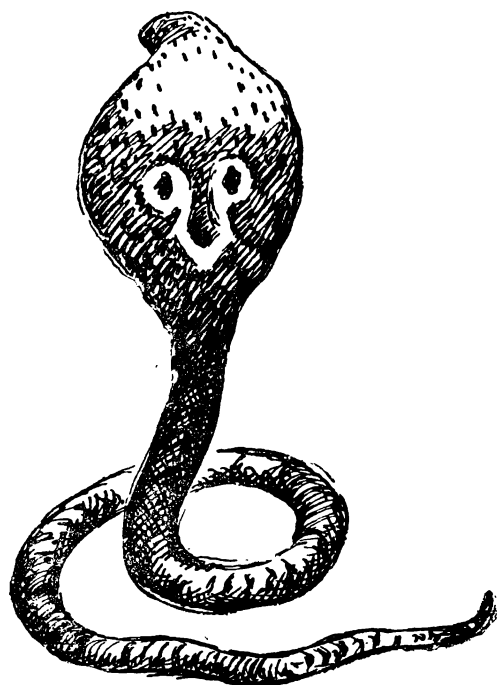
— Как же она кормится?— спросил я.

— А ей приносят корм маленькие птицы.

— Обеим головам сразу?

— Ну да.

Именем улар кепала дуа малайцы называют нескольких похожих друг на друга змей. Речь идет о червеобразных слепозмейках, у которых голова такой же формы, как хвост,

Лишь нападая, королевская гадюка раздувает шею,

а глаз и маленького рта почти не различить. Вот и кажется, что у них две головы. Они ведут роющий образ жизни и совсем безобидны. Позже мне удалось добыть живую слепозмейку¹; правда, не от малайцев — они бы ни за что не отдали такой талисман!

Из обитающих на Калимантане змей очень своеобразны древесные, или «летающие змеи» *Chrysopelea*. Они не такие уж длинные, даже метра не достигают, тело круглое, но, раздвигая ребра, змея может стать почти плоской, слегка вогнутой с брюшной стороны. «Летающие змеи» живут преимущественно на деревьях, где охотятся на ящериц и насекомых. Спасаясь от преследования, они расплывают свое тело и способны пролететь в воздухе довольно далеко — до соседнего дерева или на землю, после чего тотчас опять становятся круглыми. Мы встречали их несколько раз, но поймать ни одной не смогли.

Да, как мы ни старались, результат наших поисков не отвечал моим ожиданиям. Возможно, я сам виноват, неверно представляя себе животный мир Индонезии. По пути туда я прочел книгу о путешествии по Калимантану; в ней чуть ли не на каждой странице кишели змеи. Конечно, такие книги искажают мир джунглей. Авторы любят делать упор на оборотную сторону медали, собирают воедино все ужасы, какие сами видели или вычитали. Что ж, это тоже естественно, ведь читателю подавай приключения, опасности, удивительные случаи...

Как бы то ни было, в джунглях вовсе не так много ядовитых змей и прочих чудовищ. А те, которые есть, при появлении человека обычно стараются уйти. Сколько раз я напрасно бросался за рептилиями, которые — я чуть не написал: издевательски смеясь — ныряли в заросли, предоставляя мне извлекать из кожи рук и ног цепкие колючки. Был случай, когда я три ночи подряд охотился на черно-белых ночных ящериц. Так и не поймал ни одной. Поневоле вспомнишь, что мне говорил один голландец по поводу отлова животных.

— Тут нужна хитрость, — объяснял он. — Хотите знать, как я наловил много-много варанов? В Индонезии есть приправа, которая называется траси. Ее чаще всего делают из мелких креветок — их подсолят, потом перемалывают в кашу и дают прокиснуть. Запах — омерзительный. А вараны питаются в основном падалью, и они обожают траси. Ну вот, я намазал этой приправой несколько килограммов гравия, вараны нажрались его и так отяжелели, что, когда я пришел, не могли от меня убежать...

¹ Слепозмейки (*Typhlopidae*) — мелкие змеи (до 75 сантиметров), с очень коротким, толстым хвостом, внешне напоминающие червей. Глаза прикрыты щитками, все туловище покрывают однородные гладкие чешуйки. Около 200 видов слепозмеек распространены в тропиках и субтропиках всего земного шара. Один вид слепозмейки встречается и у нас в Закавказье, Туркмении, Таджикистане и Узбекистане. Не ядовиты.

Конечно, рассказ этого голландца не надо принимать все-
рбез — варанов ловить вовсе не так просто!

Я начал главу с питонов, питонами и закончу.

Охотясь ночью в дебрях Калимантана, мы поймали пяти-
метрового удава, который укрылся в дупле. Накинули ему на
шею петлю и извлекли на волю. Но когда мы уже собрались
идти с добычей домой, этот негодяй укусил за руку помогавшего
нам даяка. К счастью, мне удалось быстро вылечить пострадав-
шего.

Питона мы убили. Красивая кожа досталась мне, а мясо я
поделил между даяками и жившими в том краю китайскими ла-
вочниками. В благодарность один из китайцев угостил меня
питоновым филе. Китайцы мастера готовить, и блюдо было
вкуснейшее.

Через несколько лет, гостя на Сумбаве (один из Малых
Зондских островов), я сам попытался приготовить на обед мя-
со змеи. Дело в том, что я расхвалил это блюдо владельцу ко-
фейной плантации, шведу Ёсте Бьёркюнду. Только бы полу-
чить крупную змею, а уж я постараюсь! И вот один островитя-
нин принес трехметрового питона.

— Давай, показывай свое искусство!— сказал Ёста.

Честно говоря, я плохо разбираюсь в кулинарии. Убив пи-
тона и сняв с него кожу, я попросил жену помочь. Она сослалась
на нездоровье и куда-то исчезла. Пришлось мне самому взяться
за дело. Не скупясь на соль и перец, масло и петрушку, я под-
жарил филе и подал. Увы, блюдо не вызвало восторга. Вкус-то
был ничего, но мясо получилось очень жестким, и только пиво
помогло нам его проглотить.

Когда люди узнали, что мы съели змею, повариха яванка за-
лилась слезами: быть беде.

— Кто ест змею,— объяснила она, всхлипывая,— у того
ноги срываются вместе, получается словно змеиный хвост.

С нами ничего не случилось. Островитяне тотчас сделали
вывод, что мы заключили союз с туаном Сетаном — господином
Сатаной...

Змея в носу

В бандунгском зоопарке на Яве я увидел великолепный террариум, где обитали всевозможные змеи, в том числе четырехметровая королевская кобра. Я спросил директора, как им удалось добыть такую красавицу.

— Это Умар принес, — ответил он, — наш главный поставщик. Он яванец, кормится тем, что ловит ядовитых змей. Продает их нам и Пастеровскому институту. Каждую ночь берет фонарь и мешок и отправляется в лес или на поля сахарного тростника. И возвращается с полным мешком кобр, крайтов и прочих гадов. Он еще и укротитель змей, да какой! Непременно познакомьтесь с ним!

Я записал адрес Умара. Он жил в деревне, в десяти километрах от города Черибон; я попал туда через месяц.

Умара никак нельзя было назвать красавцем: широченный рот, лошадиные ноздри. Зато он щеголял золотыми пломбами и роскошными серебряными часами.

Мы познакомились, я спросил Умара, нет ли у него случайно королевской кобры.

— Нет, — ответил он, — но есть много других змей, я покажу.

Он зашел под навес и принес оттуда несколько ротанговых корзин. Снял с одной крышку — в корзине лежали четыре черные кобры.

— Вот хорошая змея. — Умар бесстрашно схватил одну из них около головы и вытащил.

— Ты что-то уж очень запросто с ними обращаешься, — сказал я. — Укусит — не обрадуешься.

— Что ты! — он улыбнулся. — Меня сколько раз кусали змеи. И хоть бы что. Я сам делаю лекарство, от любого яда помогает.

Он положил кобру на место.

— Гляди! — Он показал мне свои испещренные шрамами руки. — Это все змеиные укусы. И тут... и тут.

На ногах тоже было много шрамов.

— Гляди! — с гордостью продолжал Умар и высунул язык. Оказалось, что змеи два раза кусали его за язык!

— Это как же так? — удивился я. — Ты что, дразнишь их языком?

— Нет, я пропускаю змей через нос и вытаскиваю изо рта, вот иногда и случается...

Смеется надо мной! Пропускать змей через нос и вытаскивать изо рта? Сказки!

— Покажи, как это делается! — потребовал я.

Умар открыл корзину и достал из нее тонкую плетевидную змею с острой головкой. И я увидел его коронный номер.

Сначала Умар облизал голову змеи — так смачивают слюной нитку, чтобы лучше прошла в игольное ушко. Потом сунул змеиную голову в ноздрю и стал проталкивать все дальше, делая при этом страшные рожи. Дал сам себе легкий подзатыльник и вытащил змею изо рта. Хвост еще торчал из ноздри, но голова и примерно треть тела змеи свисали между губами. Умар торжествуя улыбнулся. Ничего не скажешь — лихой трюк!

Наконец он извлек змею, сплюнул и закусил бананом.

— Еще я умею укрощать змей, — сказал он.

С этими словами Умар вытащил из корзины красивого ужа, положил его на землю перед собой и легонько придавил ему спину рукой. Уж перевернулся кверху белым брюхом. Пять секунд пролежал так, совсем неподвижно, затем лег нормально. Умар опять прижал его — уж перевернулся.

После этого Умар поиграл с черными кобрами, а в заключение принялся жонглировать крайтом, который очень ядовит.

Тут стоит объяснить, что крайт — очень вялая змея, она редко нападает, так что этот номер меня поразило не так сильно. Можно, не боясь укуса, долго дразнить крайта, он только будет стараться спрятать голову. И хотя он частенько забирается в жилые дома, смертельных случаев из-за него почти не бывает.

Мы условились с Умаром, что он наловит для меня разных рептилий. Кроме того, мне хотелось снять его фокусы, и на следующий день я пришел с кинокамерой. К этому времени в саду Умара собралось множество народу. Еще бы, такое событие — Умар превратился в кинозвезду!

Он отлично исполнил свои номера. Видя, с каким увлечением я снимаю, как он пропускает змею через нос, Умар пообещал мне:

— Когда приедешь опять из Европы, погости у меня, я научу тебя этому трюку. Надо начинать с самых маленьких плетевидных змей.

Через два года я и в самом деле снова навестил его, но не затем, чтобы учиться трюкам, а потому что один американский музей попросил меня раздобыть партию кобр. А кто лучше Умара мог помочь мне в этом. Я написал ему письмо из Джакарты и получил ответ, что он ждет меня. Письмо было подписано: «Собат лама Умар Сланген»¹ — старый друг Умар-Змея.

Приятно было увидеть старого друга. За это время оба мы

¹ С л а н г е н — по-голландски змея.

женились, и Умар познакомил меня с женой — очень милой сунданкой. Потом он с гордостью показал мне сына — десятимесячного малыша по имени Умбар, чем-то похожее на Будду.

— Вот из кого выйдет великий змеиный чемпион, — заявил гордый отец. — Все мои трюки будет знать и другие изучит. Он уже выступает!..

Нам не терпелось посмотреть этот номер, но сперва хозяева угостили нас чаем, а я вручил Умару несколько крупных отпечатков, и он долго любовался собой.

— А теперь покажи моей жене, на что ты способен, — попросил я. — Не забыл свой замечательный номер?

— Забыл? Ха! Теперь я пропускаю через нос сразу две змеи — по одной в каждую ноздрю!

И он начал готовиться. Поставил стул. Что за новости? Неужели заважничал, выступает сидя? Оказалось, что стул предназначен для его жены и сына, которого она держала на руках.

Папа Умар достал двух златоколыхатых змей и обмотал ими шею своего наследника. Малыш только моргал глазами, но сидел спокойно, не кричал, а миловидная мама радостно улыбалась. Так вот в чем выражается участие сына в трюках Умара!

Дальше Умар стал показывать остальные номера. Привычным жестом сунул змеиную голову в одну ноздрю и вытащил ее изо рта. Затем — вторую, в другую ноздрю. Два товарища помогли Умару извлечь из клетки четырехметрового питона, и он обмотался им вокруг пояса. Тем временем плетевидные, возмущенные тем, как над ними издеваются, кусали его за нос и за лицо. Так я и снял семейство: Умар в объятиях питона, с торчащими из носа змеями, и маленький чемпион Умбар, шею которого обвили златоколыхатые...

Ничего не скажешь, Умар значительно расширил свой репертуар! Следующим номером была игра с улар са пи — быстрой и агрессивной змеей. Она кусала его в лоб, в шею, в спину. Трюк очень понравился односельчанам Умара.

— Ну, как, нравится? — спросил он меня, тяжело дыша.

— Еще бы! Но вообще-то мне нужно еще несколько кадров. Что ты можешь предложить?

— А вот! — воскликнул Умар, подумав. — Вот что ты забыл снять в прошлый раз!

Он высунул искалеченный язык, похожий на цветную капусту.

Щедро вознаградив укротителя змей, мы простились с ним.

— Туан! — окликнул он меня, когда я уже хотел уходить. — А разве Умбар не заслуживает поощрения?

Я сунул в руку малыша серебряную монету, и папаша гордо сказал:

Умбар-Змея зарабатывает деньги!

Остров драконов

Во время моего пребывания в Эквадоре в 1937 году я решил непременно посетить Комодо, один из островов Малого Зондского архипелага. На Комодо водится самая крупная известная ящерица — великан комодосский варан. Я написал одному другу на Яве и попросил его разузнать у властей побольше об острове и о том, как на него можно попасть. Другое письмо я отправил в Швецию. Через два месяца пришли ответы. В одном конверте лежала вырезка из стокгольмской газеты, которая сообщала, что шведская кинокомпания «Свенск Фильминдюстри» снаряжает в Индонезию экспедицию под руководством доктора Пауля Фехоса. Одна из задач экспедиции — снять комодосского ящера и добыть несколько живых экземпляров для зоопарка Скансен и Государственного музея. Я опоздал...

Но меня по-прежнему влекло на Комодо, и, приехав в 1941 году в Индонезию, я решил воспользоваться случаем. Не затем, чтобы ловить варанов (вторая мировая война была уже в разгаре, куда пошлешь свой улов?), и не для съемки фильма (он уже был снят другими). Хотелось просто посмотреть на этих чудовищ, изучить их, сфотографировать, а заодно собрать возможно более полную коллекцию других рептилий острова.

Комодосский варан был открыт только в 1912 году. В бухте около единственной на Комодо деревушки бросила якорь шхуна ловцов жемчуга. Островитяне рассказали им про драконоподобное чудовище, которое они называли бу а я д а р а т — сухопутный крокодил.

— Вздор! Выдумки! — решили гости.

Путешествуя от острова к острову, они наслышались всяких историй о морских чудовищах и гигантских змеях, человекообразных обезьянах и прочей чертовщине.

Но жители Комодо показали им шкуру варана. Стало ясно, что на этот раз народная молва говорит правду.

Сообщение об этом пришло в Бейтензоргский музей на Яве, и директор музея Оуэнс тотчас послал на Комодо людей, которые и доставили несколько экземпляров удивительной твари. Оуэнс опубликовал первое описание бу а я д а р а т, окрестив его

Varanus comodoensis. Среди ныне существующих ящериц семейство *Varanus* одно из самых древних, ему около 60 миллионов лет.

Так произошло открытие самой крупной из существующих ящериц. Это событие, естественно, вызвало сенсацию в научном мире. Но тут разразилась первая мировая война, и о варанах на время забыли. Только в июне 1926 года на Комодо высадилась научная экспедиция под руководством Дугласа Бердена, которому американский Музей естественной истории поручил добыть гигантских варанов для экспозиции. Берден убил и отловил много ящериц, измерил их и заявил, что прежние сообщения, будто вараны достигают в длину от четырех до семи метров, ни на чем не основаны. В своем отчете об экспедиции он пишет, что самцы комодосской ящерицы не превышают в длину трех метров, а самки — двух. Голландский зоолог Юнг, побывавший на Комодо в 1937 году, пришел к тому же выводу.

Но один из участников экспедиции Фехоса, которая посетила остров сразу после Юнга, сообщил мне, что самый крупный измеренный ими варан был больше пяти метров. Четыре экземпляра превышали четыре метра. (Мои собственные наблюдения показали, что вараны, во всяком случае, бывают длиннее трех метров.)¹

Осенним днем в 1941 году я с моей женой и нашим боем Дурухамой вышли на шхуне «Сунггух Касихан» — «Истинное Сострадание» — из деревни Сапе на острове Сумбава курсом на Комодо. Целую ночь мы шли галсами² против восточного муссона и, наконец, утром увидели драконий остров. Своим суровым и негостеприимным видом он только еще больше дразнил наше воображение. Так и должна выглядеть земля древних драконов — призрак далекой поры, когда вся наша планета была словно кошмар, когда всюду бродили огромные рептилии, способные проглотить человека.

Однако чем ближе, тем остров казался приветливее. Сперва в бинокль, а потом и невооруженным глазом мы различили стройные пальмы, вздымающие пышные зеленые кроны над желтой травой аланг-аланг. Склоны гор тут и там покрывал настоящий лес.

После суточного плавания мы бросили якорь в тихом заливе Ласах, на берегу которого, у подножия высоких холмов, расположилась деревушка.

¹ Образ жизни комодосского варана изучен сейчас довольно полно благодаря неоднократным исследованиям зоологов разных стран, в том числе и советских специалистов. (См. книгу Пьера Пфеффера «Острова дракона», 1966, статью Е. А. Малеева и И. С. Даревского «Драконы острова Комодо», журн. «Природа» № 3, 1963 г.).

² Галс — курс судна относительно ветра. Идти галсами — значит поворачивать судно так, чтобы ветер был то с одного, то с другого борта и, таким образом, двигаться вперед, сохраняя общее нужное направление.

В первый день мы никуда не ходили, только расспрашивали местных жителей; узнали, в частности, как обстоит дело с водой. Нам назвали два десятка мест вдоль побережья и в горах, где даже в засуху текут хорошие ручьи. Один из них мы и облюбовали для своего лагеря. На следующее утро, сопровождаемые двадцатью пятью носильщиками, мы вышли в путь и за пять часов добрались до цели. Наши помощники живо соорудили из бамбука и пальмовых листьев уютный домик на сваях. Потом они ушли обратно в деревню. Один Абду остался с нами; мы просили его быть нашим проводником.

Начались увлекательные дни: походы, охота с кинокамерой, отлов животных... Редко мне доводилось видеть такое обилие дичи. На просторных лугах паслось множество оленей, и по ночам мы слышали их призывные крики. В лесу нам попадались целые стада диких свиней, а иногда и одичавшие буйволы — могучие серые исполины, которые при виде нас обращались в бегство с таким топотом, что гул стоял. И повсюду мы видели следы и испражнения огромных ящериц, только сами они не показывались.

Лишь на третий день состоялась первая встреча. Я никогда ее не забуду.

Мы, не торопясь, пересекли луг и стали подниматься вверх по склону холма. Было жарко, в воздухе дрожало марево. С самого утра мы искали загадочных чудовищ. Просмотрели в бинокли не один луг, не один склон, но видели только оленей и диких свиней.

Вдруг в десяти метрах от нас в высокой желтой траве возник дракон — черный, устрашающий. Будто ожило далекое прошлое!.. Варан стоял, вытянув шею, чем-то похожий на динозавра. А какие грозные челюсти! Несколько секунд на нас был устремлен холодный, словно орлиный взгляд черных зрачков, потом варан быстро повернулся и, весь извиваясь, широко расставляя ноги, побежал прочь. Миг — и нету, будто провалился сквозь землю!

У нас было такое ощущение, что нам все это привиделось.

А на обратном пути мы встретили второго гиганта, не меньше трех метров в длину. Он медленно ковылял по направлению к нашему лагерю. Вот уж подлинно сухопутный крокодил — жестокий, кровожадный... Заметив нас, варан остановился, вытянул шею и не спеша затрусил в другую сторону.

Последовав за ним, я увидел, как он скрылся в роще. Там он лег плашмя под большим деревом, злобно поглядывая на меня. Я позвал жену, и вместе мы подошли еще ближе. Всего полтора метра отделяло нас от варана, а он не шевелился. Мы могли спокойно изучать его.

Ничего не скажешь, зрелище внушительное! Эти челюсти шутиа раздробят любую кость, когти способны выпустить внут-

Огромный варан острова
Комодо.

ренности наружу, а хвост легко может сбить нас с ног... Что ему, какие-то тщедушные двуногие! И, однако, варан снова отступил.

Я кинул в него палку, дракон ожил и бросился бежать. Гул и треск был такой, будто сквозь чашу ломился слон.

А в лагере мы познакомились с третьим вараном; он сам пришел к нам.

Сперва в лесу неподалеку послышался шум: трещали сучья, шуршала сухая листва. Мы притаились и вскоре увидели двухметрового зверя. В двадцати метрах от нас он остановился и замер на месте. Голова поднята, глаза подозрительно всматриваются... Длинный, раздвоенный на конце язык так и ходил взад-вперед, щупая воздух. Больше пяти минут варан простоял неподвижно, потом двинулся дальше. Когда до лагеря осталось семь-восемь метров, он опять остановился.

У нас было несколько кур. Не замечая опасности, они расхаживали по соседству с ящером, рыли землю когтями, что-то клевали. Нас осенило: ясно, он подстерегает курицу.

Варан словно окаменел. Куры подходили все ближе к нему. Всего один метр отделяет их от хищника. Полметра... Ну! Сейчас схватит! Но дракон оставался недвижим...

Выждав несколько минут, он сделал еще несколько шагов и эчутился на залитой солнцем прогалине. Самое подходящее освещение для съемки! Но едва я взял фотоаппарат, как варан повернулся кругом и в испуге метнулся в лес.

Почему же он не схватил курицу?

Комодосский варан ест падаль, но большую часть пищи он добывает охотой. По словам Абду и его товарищей, они своими глазами видели, как вараны, прячась в высокой траве *аланг-аланг*, подстерегали и атаковали оленей и диких свиней. (А не так давно я получил журнал с серией фотоснимков, сделанных на Комодо одним голландцем; на них видно, как огромный варан ловит и пожирает макаку.)

Абду рассказал нам об одном случае, когда варан напал на мальчугана и укусил его за ногу. Подоспевшие взрослые про-

гнали зверя, но рана оказалась зараженной, у мальчика поднялась температура, и вечером он умер. Очевидно, на зубах варана был трупный яд.

И все-таки: почему варан не схватил курицу? Мне кажется, это можно объяснить так: его приманил в лагерь запах гниющих улиток и мидий, которых мы собрали на берегу моря и еще не успели очистить. О курах он не помышлял. Но ведь перед самым носом у него был лакомый кусок! Ну и что же? Сколько раз варан пробовал ловить диких кур, но они куда проворнее домашних, за ними не угнаться. И опыт подсказывал нашему гостю, что это дело безнадежное. Вот если бы удалось найти источник упорительного запаха... Вараны и в дальнейшем не трогали наших кур, зато они попытались добраться до пойманного нами поросенка дикой свиньи.

В день, когда мы разбили лагерь среди холмов, мы зарезали для приманки козла. Как только он начал гнить, его привязали к столбику посреди лужайки, а по соседству неприметно соорудили шалаш, в котором я поставил свою кинокамеру. Мне хотелось снять несколько эпизодов для своего короткометражного фильма о редких пресмыкающихся Индонезии.

В восемь утра мы спрятались в шалаше. Прошло полчаса — никаких варанов. Только красавец-олень важно прошествовал мимо и скрылся в бамбуковых зарослях. Еще час... В нашем укрытии было тесно и неудобно, ноги затекали, приходилось отгонять больших красных муравьев, которые не только щекотали, но и кусали нас. Мы убили двух скорпионов.

В конце концов мы с женой взяли по книжке и стали читать. Я с головой ушел в трогательный любовный роман. Вдруг до меня донесся подозрительный звук. Я поднял голову — громадный ящер рвал козла!

Зрелище было отвратительное. Варан вспорол живот козлу и вытащил внутренности. Чавкая, проглотил кишки, облизался своим противным желтым языком, посмотрел кругом и снова стал жадно пожирать падаль. Он тянул, изгибаясь дугой, мотал головой, царапал когтями... Наконец оторвал четверть козла и, широко разевая пасть, принялся заглатывать зловонное мясо.

Не проглотит, скорее челюсти вывихнет, подумал я.

Но варан справился! Он дергал и тряс головой, шея сокращалась и растягивалась, как гармошка, и мало-помалу весь кушачок исчез в его глотке!

С полминуты варан отдыхал, поглядывая по сторонам, потом опять принялся за завтрак.

Пора снимать, не то через десять минут от козла ничего не останется.

Я убрал ветку, маскирующую кинокамеру, навел фокус. В ту же секунду варан заметил меня и обратился в бегство. У меня вырвалось несколько крепких словечек. Теперь снова ждать...

Спустя четверть часа он показался опять. Сделал несколько медленных, осторожных шагов, остановился. Смотрит... Не меньше пяти минут разглядывал он наше укрытие, потом прошел еще с десятков шагов. Постоял. Посмотрел на шалаш. Пошел к падали. Остановился... Когда он наконец добрался до козла, я успел уже снять не один метр.

У варана очень слабый слух, так что жужжания кинокамеры он не улавливал. Мы даже могли громко разговаривать, не опасаясь спугнуть его. Для варана главное — зрение и обоняние. Особенно обоняние: запах падали он чувствует издали!

Закончив съемку этого отвратительного пира, мы решили уходить. Других варанов не было, да и солнце поднялось слишком высоко, при таком ярком освещении плохо снимать. Я подвесил остатки падали на дереве — пригодится завтра, — мы вернулись в лагерь.

Здесь Абду и Дурухамма рассказали нам: пока мы сидели в засаде, вокруг лагеря бродило четыре ящера!

— Два из них — настоящие великаны, — добавил Абду.

Мы устроили новый шалаш в полусотне метров от лагеря и на следующее утро, примерно в половине девятого, выложили приманку: новую козлиную тушу и то, что оставалось от старой.

На этот раз ожидание не затянулось. Уже около девяти часов явился первый гость. В это время суток вараны обычно выходят из своих нор на охоту; они типичные дневные животные, любят солнце и тепло.

Щупая языком зловонный воздух, дракон приблизился к мясу. И со страшной жадностью, словно неделями ничего не ел, набросился на падалю. Я заснял несколько метров пленки телеобъективом. Иногда варан привставал, вытягивал шею и смотрел по сторонам. Ничего подозрительного... И пир продолжался.

Вот замер, словно заметил что-то. Что именно? Я повернул голову и метрах в тридцати слева от нашего укрытия увидел второго, еще более крупного ящера. Они долго меряли взглядом друг друга, наконец варан номер два решительно направился к падали.

Интересно! Что сейчас будет? Драка? Нет, мой прожорливый киногерой неохотно отступил. Впрочем, он ушел недалеко, всего на десять-двенадцать метров, и стал наблюдать.

Только новый пришелец принялся за завтрак, как показался третий варан, почти таких же размеров, как второй. На этот раз завязалась драка. Правда, какая-то странная, в замедленном темпе. Один боец ударил другого передней ногой, потом попытался подмять его под себя. В ответ тот сделал несколько шагов вперед и замахнулся хвостом. Мимо...

После этого противники заходили по кругу около козлятины, не сводя глаз друг с друга и стараясь улучшить миг для выпада. Но каждый был начеку. Наконец ссора им надоела, и оба ухва-

тились за добычу. Долго тянули они в разные стороны заднюю ногу козла — будто полено пилили. Мне даже стало смешно.

Первый варан сначала держался на почтительном расстоянии, но затем стал подбираться ближе. В конце концов, после многих пробных выпадов, он подбежал к падали и ухватил было кишку, но тотчас был отогнан своими более крупными собратьями.

Я доснял уже вторую ленту. Они были настолько заняты едой, что я задумал подойти к ним с фотоаппаратом. Сперва вараны ничего не заметили, но когда осталось метров десять, повернулись ко мне. Я успел снять два отличных кадра, прежде чем они бросились наутек. Довольный успехом, я вернулся в шалаш.

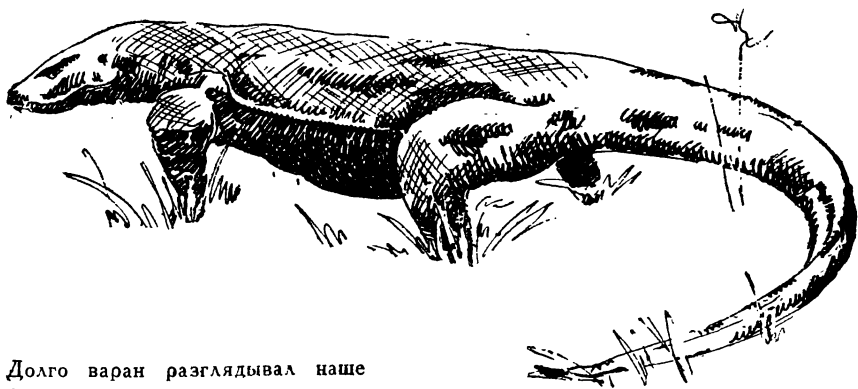
Засада продолжалась. Пададь привлекла пять-шесть черных ворон и коричневого с белым орла. Потом явился меньший варан. Немного погодя его отогнал большой сородич. Пришел номер три, снова состоялась вялая потасовка, и снова они вдвоем впились в мясо. Тут же прыгали вороны, ухитряясь время от времени урвать кусочек. Орлу такая компания не понравилась, и, расправив широкие крылья, он улетел.

За четверть часа приманка была уничтожена, и два великана, облизываясь, удалились. Меньшой убедился, что ему ничего не оставили, и тоже ушел.

До самого вечера ящеры бродили вокруг нашей площадки. А когда мы на следующий день отправились ловить змей и насекомых — их на Комодо множество! — вараны в наше отсутствие забрели в лагерь.

Вернувшись домой, мы увидели их следы возле костра, а один варан явно пытался добраться до поросенка Баби и чуть не разнес его клетку. Бедный Баби, должно быть, натерпелся страха!

— Отлично! — сказал я жене. — Завтра будем снимать прямо в лагере!

Долго варан разглядывал наше укрытие.

И мы поставили рядом с клеткой Баби палатку, из которой выглядывала моя кинокамера.

Утром, едва мы заняли места, за палаткой слышались тяжелые шаги. Ближе, ближе... Вдруг моя жена испуганно отскочила в другой конец палатки. Варан лизнул брезент у самой ее головы! Я выглянул. В метре от меня, направляясь к клетке Баби, шествовал здоровенный ящер, настоящий чемпион, великолепный объект для съёмки. Только я прицелился камерой, как ящер впился острыми зубами в прутья клетки, да еще наподдал ногой. Когти царапали бамбук, клетка трещала, Баби в ужасе искал, где скрыться. Я ударил варана палкой по спине. Он хотел было атаковать палатку, но когда я вдруг высунул голову, словно чертик из коробочки, чудовище бросилось в кусты. Моя жена поспешила вытащить Баби из клетки и взяла его на руки, ласково приговаривая что-то и почесывая у него за ухом.

С того дня мы снимали ящеров без всякой приманки. Конечно, лагерь нельзя было оставлять без присмотра; и когда мы отправлялись в поход, кто-нибудь дежурил дома, следя за тем, чтобы вараны не безобразничали.

Как правило, комодоский варан при виде человека убегает. Но бывают исключения. Во время одной из наших вылазок мы встретили на редкость огромного зверя, такой нам еще ни разу не попадался. Я подбежал к нему с фотоаппаратом и сделал несколько снимков. Варан заметил меня и не спеша побрел в лес.

Сменив пленку в аппарате, я двинулся по следам варана. Они привели меня в овраг. А вот и он лежит! Тень и ветви мешали мне снимать, и я стал бросать в ящера камни, чтобы заставить его выйти из-под кустов на солнце. Он только моргал глазами и не двигался с места. Я ткнул его палкой. Лежит, как мертвый. Я взял палку побольше, ткнул сильнее. Варан лениво щелкнул челюстями, но даже не встал. Да, у него нервы были в порядке!

Та же история повторилась еще два раза, когда мы встречали очень больших варанов. Они просто не знали, что такое страх!

Молодых варанов сразу отличишь: они куда стройнее старых. Достигнув определенной длины, комодоский варан дальше растет только вширь. Поглядишь на крупного ящера — медленно, неуклюже ковыляет гора мускулов. Впечатление такое сильное, что когда определяешь их размеры на глаз, немудрено и прибавить лишний метр. Так и появляются преувеличенные цифры.

Кроме того, у варанов постарше кожа однотонная, серая или черная, а у молодых можно различить светлые пятна и полосы.

Мы ходили также снимать расположенные неподалеку от деревни логова. Ящеры обитали под утесами, под большими камнями, в огромных, как грот, земляных норах. В лесу на склонах гор темные ямы зияли между корнями деревьев.

Кроме Комодо, гигантский варан обнаружен на соседнем острове Ринча (он примерно вдвое меньше Комодо), на островках Падар и Кукулу, а также в Манггараи — так называется узкий прибрежный участок на западе острова Флорес. В 1931 году был издан запрет охотиться на варанов и вывозить их, а в 1938 году на Комодо запретили бить оленей и диких свиней, чтобы не лишать пищи ящеров. К сожалению, контроль был не очень строгим. Мы не раз заставляли врасплох браконьеров с Сумбавы, которые охотились с собаками на оленей. Правда, диких свиней они не трогали. Спасибо Магомету, который запретил верующим есть свинину!

Результат моей поездки на Комодо был очень скромным. Индонезию оккупировали японцы, и я потерял почти все, что за-
снял. Правда, зоологические коллекции попали все-таки в наш Государственный музей — с большим опозданием и далеко не в лучшем виде.

Мистер Лонгли — друг ящериц

В Австралии первой рептилией, с которой я познакомился в буше¹ под Брисбеном, была бородатая ящерица². При виде меня она расправила, словно зонтик, кожную складку на горле, открыла пасть и зашипела. Несмотря на малый рост, вид у нее был устрашающий. Обычно этот прием приносит успех: «воротник» бородатых пугает и обращает в бегство собак, которые на них охотятся. Но на меня это не подействовало. Я вытянул руку, чтобы поймать бородатую. Тут мужество ей изменило, она убрала «бороду» и, задрвав кверху хвост, обратилась в бегство. Это было очень смешно, потому что бежала она на задних лапах! Пресмыкающееся не пресмыкалось, а передвигалось в точности как один из его древних, вымерших родичей — динозавр.

Если путь к отступлению закрыт, бородатая ящерица обоняется — пробует ударить противника своим длинным хвостом, даже пустить в ход челюсти; правда, они только на вид грозные. У бородатой совсем маленькие зубы, их бояться нечего.

Австралия очень богата необычными пресмыкающимися. Взять хотя бы молоха, или «колючего дьявола», как окрестили австралийцы ящерицу *Moloch horridus*³. В толковом словаре вы прочтете, что Молох — ненасытное кровожадное чудовище. О двадцатисантиметровой обитательнице австралийских пустынь этого никак не скажешь. Правда, внешность у нее и впрямь чудовищная: плоское, как у жабы, тело сплошь усеяно шипами, на шее — шишка. Два шипа, торчащих над глазами, напоминают рога, почему молоха еще называют «рогатым дьяволом». И все-таки ничего дьявольского в этой ящерице нет. Она безобиднейшее существо, питается почти исключительно муравьями. На голодный желудок молох способен запросто уплести больше тысячи муравьев!

У огромного комодосского варана есть в Австралии род-

¹ Буш — пространства, покрытые кустарниками (в Австралии).

² Бородатые ящерицы (*Amphibolurus*), из семейства агам, встречаются только в Австралии, где известно 13 видов этого рода.

³ Также представитель семейства агам,

ственный, достигающий в длину двух метров и великолепно лазающий по деревьям. Имя его — гуан. Я видел гуана, который грелся на солнце, лежа на самой макушке сорокаметрового дерева. Много раз я наблюдал, как представители этого вида легко и быстро взбираются вверх по гладким стволам.

Удивительные ящерицы Австралии так увлекли меня, что мне захотелось посвятить им короткометражный фильм. Я обратился за консультацией в Музей естественной истории в Сиднее. Здесь-то я и услышал о мистере Лонгли.

— Мистер Лонгли знает все об ящерицах Австралии — больше любого ученого! — сказали мне. — У него можно увидеть поразительные вещи.

Я позвонил мистери Лонгли, и он пригласил меня к себе посмотреть на его необычных домашних животных. Я заехал за ним на работу на машине, и мы вместе поехали к нему домой, в одно из предместий Сиднея. В жизни не встречал человека, который бы интересовался рептилиями так горячо, как этот старый англичанин. Он их по-настоящему любил. Услышав, что я видел на Галапагосе морскую ящерицу и колофа, в Южной Америке — легуанов, а на Комодо — гигантского варана, он вздохнул:

— Как же вам повезло! Осуществили то, о чем я мечтал всю жизнь. Вы счастливый человек.

И он продолжал:

— Еще в детстве, в Англии, я увлекся змеями и ящерицами. Полную комнату собрал. Мне хотелось стать ученым, но на занятия не было денег, и вместо лаборатории я попал в канцеля-

Бородатая ящерица, словно зонтик, расправила кожную складку на горле.

рию. Двадцать лет назад переехал в Австралию, здесь тоже служу в конторе, заработок очень маленький. Но в тот день, когда я держал в руках своего первого *Trachysaurus rugosus* — знаменитого короткохвоста!¹ — я подумал: хотя бы ради этого стоило эмигрировать в Австралию! Пресмыкающиеся здесь несравненно многочисленнее и интереснее, чем у нас в Англии. И я добился кое-каких результатов в своей работе — я подразумеваю не контору, а исследование рептилий. Королевское зоологическое общество в Сиднее опубликовало мои сообщения, в том числе описание неизвестной ранее ящерицы семейства сцинков². Это гибрид, помесь самки синезыкого сцинка *Tiliqua scincoides* и самца черно-желтого *Tiliqua nigrolutea*, появился он на свет в моем террариуме. Представляете себе, какое событие! Я чувствовал себя почти богом: сам создал — во всяком случае, помог создать — новый вид!

Что и говорить, дома у мистера Лонгли было интересно. Он собрал в нескольких клетках замечательную коллекцию австралийских ящериц. Я насчитал около ста рептилий, среди которых было очень редкие.

— Вот эта, — он взял на руки синезыкого сцинка и нежно погладил его по голове, — Хелен, бабушка первого поколения гибридов. Она живет у меня двенадцать лет.

Семейство сцинковых насчитывает сотни видов, распространенных во всех частях света; особенно много их в Австралии. Здесь обитают самые крупные представители семейства — цепкохвостый сцинк, короткохвост, шипохвост, черно-желтый и синезыкий сцинки. Все они вялые, неуклюжие, с короткими ногами; многие ведут роющий образ жизни и, словно кроги, передвигаются по подземным ходам.

— Синезыкий сцинк, — мистер Лонгли продолжал поглаживать Хелен, — очень полезное животное, питается почти исключительно улитками. Но у него дурная слава, люди уверяют, будто рана от его укуса не заживает. И все убивают синезыких... Да еще чувствуют себя героями. Уже много лет я во всех своих выступлениях пытаюсь защитить синезыкую и других безобидных рептилий от преследований со стороны человека. На глазах у аудитории заставлял синезыких кусать меня — это не так-то просто! Хотел доказать маловерам, что сцинк совершенно безвреден. Фермеры твердят, будто он крадет кури-

¹ Короткохвост (*Trachysaurus rugosus*) — ящерица из семейства сцинков, получившая свое название благодаря короткому, тупо закругленному сзади шишковидному хвосту.

² Семейство сцинков включает наиболее многочисленных и широко распространенных ящериц. Сцинки характеризуются налегающими друг на друга округлыми чешуйками тела, под которыми задегают тонкие костные пластинки, благодаря которым тело ящерицы кажется плотным и упругим. В СССР обитает несколько сцинков: мабуя, длинноногий сцинк, галоглаз и др.

Гуан взбирается
на дерево.

ные яйца. Это тоже неправда. Гуан — да, иногда крадет, но не синезыкая. Она приходит на огород, чтобы очистить его от улиток, приносит огромную пользу, а ее обвиняют в краже яиц и убивают! Мистер Бломберг, обещайте мне выступить в защиту синезыкой и ее товарищей по несчастью как ящериц, так и змей! Помогите мне бороться против суеверия и нелепых представлений!

— А где вы достаете улиток для всех этих сцинков? — спросил я. — Должно быть, очень трудно прокормить ваших ящериц?

— Да, труд нелегкий, но я делаю это с охотой. Каждое утро встаю в пять, в шесть часов и иду собирать улиток, мокриц, тараканов и других насекомых, а также грибы, цветы — ведь среди ящериц есть и вегетарианцы. Правда, мне еще дети помогают, лишь бы я пустил их посмотреть мой зверинец. Жена, когда идет за мясом и фруктами, покупает также и на ящериц. Вот этот водяной агам, например, больше всего на свете любит вареное мясо, и ест его прямо из рук. У него своя индивидуальность... Видите, какой важный на вид, даже надутый, а в глазах — веселая искорка.

Ну, как не полюбить мистера Лонгли!

Конечно, такие любители рептилий встречаются редко. А впрочем, в Кито я познакомился с женщиной, которая могла бы поспорить в этом отношении с мистером Лонгли. Это была жена английского посла. Обаятельная пожилая леди держала в своих аристократических покоях с полдюжины змеек. Конечно, змеи были не опасные, но многие представители местного общества отказывались приходить в гости к послу. Жена посла держала змей вовсе не для того, чтобы выделиться среди других людей или шокировать их. Она в самом деле любила своих рептилий, как другие любят кошек или канареек. Даже брала их с собой,

когда выходила в город на прогулку. Надо сказать, что в Кито бывает порой довольно прохладно, ведь город лежит в Андах, на высоте почти трех тысяч метров над уровнем моря. И чтобы защититить от холода своих холоднокровных любимиц, она прятала их за пазуху.

Однажды она пришла к зубному врачу. Только он принялся обрабатывать ей зуб бормашиной, вдруг из-за воротника пациентки высунулась змеинная голова. Говорят, врач был так потрясен, что потом несколько дней не принимал больных!

Крокодилы

Среди рептилий я больше всего не люблю крокодилов. В них есть что-то неприятное, жестокое, какое-то пугающее коварство (конечно, говорить так — значит, пользуясь словами замечательного знатока животных Конрада Лоренца, «некстати применять человеческие моральные категории»). Я встречался с крокодилами в разных концах света: в Африке, Австралии, Индонезии, Южной Америке. В верховьях Нила обитали самые крупные. Множество исполинов с огромной пастью лежало по берегам великой реки; при нашем появлении они поспешно ныряли в воду.

Правда, в Африке я был вооружен камерой, но когда-то я увлекался «настоящей» охотой и убил немало крокодилов в Южной Америке и на Калимантане. В Индонезии приходилось быть осторожным, чтобы не навлечь на себя немилость даяков. Для них обитатели некоторых рек священны. Легенда утверждает, что один из великих даякских вождей перевоплотился в крокодила — но в которого? В итоге крокодилов предпочитают вовсе не трогать. Вот если зверь убьет человека, тогда уже нет никаких сомнений — это не вождь, и даяки не щадят такого разбойника.

Там, где поселяется человек, крокодилы исчезают раньше других рептилий. Их истребляют ради кожи. Во многих тропических реках, где всего несколько десятилетий назад было множество крокодилов, они теперь стали редкостью.

Мы убедились в этом в 1956—1957 годах, занимаясь киносъемками в Бразилии. На острове Маражо в дельте Амазонки мы хотели снять кайманов. Бывая раньше в Бразилии, я слышал, что этот остров кишит чудовищами, достигающими пяти метров в длину. В доказательство мне показывали фотографии — на них было видно, как сотни кайманов лежат в ряд на берегах и отмелях.

К нашему великому разочарованию, оказалось, что ряды кайманов сильно поредели. За последние десять-пятнадцать лет на Маражо нахлынули охотники, и безжалостно истребляя крокодилов, убили сотни тысяч животных. Во многих реках и озерах почти совсем не осталось кайманов. Только на болотах в

лесной глуши можно было встретить их в больших количествах, но того, что запечатлели старые фотографии, мы нигде не увидели.

В тридцатых годах вышла книга немца Адольфа фон Дюнгерна, который описывает, в частности, охоту на крокодилов на Маражо. Ее устроили не профессиональные охотники, а вакеро — пастухи, решившие отомстить хищникам за нападения на скот. В те годы кайманы были настоящим бедствием. Особенно нагло они вели себя в сезон дождей — в это время луга превращались в болота, и разбойники выползали из рек и озер, подбираясь вплотную к домам и нападая на все живое.

Вместе с несколькими вакеро фон Дюнгern приехал верхом к болоту, где «в неподвижной мутной воде плавало несчетное множество переплетенных между собой корней».

«Рядом со мной послышался всплеск, — продолжает фон Дюнгern. — Дикая утка забила крыльями, собираясь взлететь. Вдруг из воды высунулась огромная темная пасть. Хлоп! Утка исчезла...».

Раздался выстрел, другой — и корни ожили. Это были спины сотен крокодилов! Вот что происходило дальше:

«Пули вонзались в эту кишашую массу, и каждое попадание влекло за собой фонтан мутной воды, потому что раненое животное начинало яростно бить хвостом. Вакеро — они, как и я, соскочили с коней на землю, — с удивительным бесстрашием, крича и свистя, преследовали убегающих крокодилов. Сгонят их в кучу и бьют длинными палками, заставляя идти к берегу.

Удивительно: ни один из хищников не оборонялся. Эти ленивые, жирные, трусливые твари помышляли только о бегстве. Они словно позабыли, что могут пустить в ход против людей свое грозное оружие — челюсти и хвосты. В воздухе проносились лассо, пойманных зверей добивали дубинками».

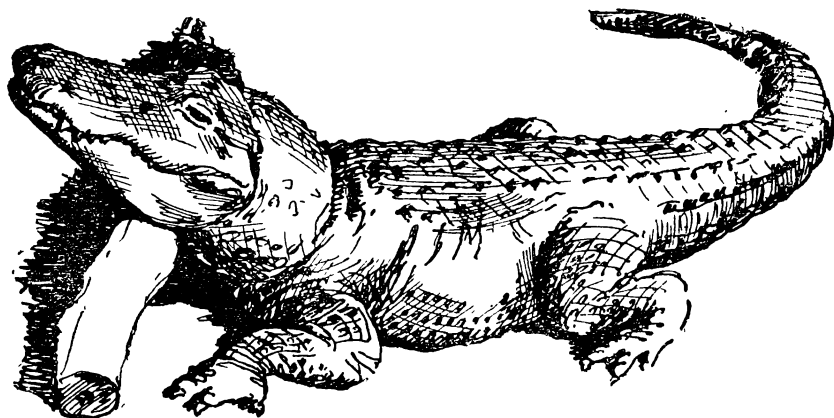
За два дня было уничтожено больше тысячи крокодилов!

«И все равно, — заключает фон Дюнгern, — истребить их невозможно».

Однако невозможное свершилось...

На реке Гуаяс в Эквадоре крокодилы были некогда подлинным бичом. Я прочел об этом в дневниках шведа Людвиг Сёдерстрёма, которые нашел в Кито. Генеральный консул Сёдерстрём приехал в Эквадор в 1867 году; по реке Гуаяс он прошел от портового города Гваякиля до Бабаойо, откуда верхом продолжал путь до столицы. В Гваякиле его встречал некий мистер Уилсон, который сказал шведу, что тот увидит много крокодилов на реке. «Я наивно спросил, — сообщает Сёдерстрём, — что значит много: десять? Он рассмеялся: не десять, а тысячу! Ну и хвастун, подумал я. После завтрака наш речной пароходик отчалил. Я сидел на носу, высматривая крокодилов. За два часа не увидел ни одного. Из-за яркого солнца у меня

даже устали глаза. Наконец я заметил на берегу что-то вроде бревна. Я обратил на него внимание мистера Уилсона. Он объяснил, что это не бревно, а большой крокодил. Все пассажиры столпились на носу, всем хотелось посмотреть. Господин пришел с ружьем («господин» — английский дипломат, на службе у которого был Сёдерстрём), я тоже был вооружен, но когда мы приблизились, чудовище сползло к воде и нырнуло в реку. Один из пассажиров, который раньше ходил по этой реке, сказал: «Терпение — выше по течению вы увидите их во множестве!» Через полчаса мы увидели сперва одного, потом по два, по три крокодила, которые или плавали в реке, или спали на илистом берегу. В одном месте лежало сразу одиннадцать-двенадцать животных. Капитан подвел пароход поближе, так что мы оказались в пятнадцати-шестнадцати локтях от берега. Некоторые крокодилы зашевелились и ушли в воду. Господин прицелился в самого крупного и выстрелил. Пуля поразила зверя в левый бок, крокодил дернул хвостом и умер. С носа я увидел крокодила, который проплывал всего в двух локтях от судна. Он поднял голову и выпустил струю воды. Я выстрелил ему между глаз, после чего он утонул. Дальше река сужалась, и здесь мы увидели несомого течением мертвого крокодила, над которым кружили стервятники. Гниющая туша издавала такое зловоние, что мы все зажали носы. Чем выше по течению, тем больше крокодилов представлялось нашему взгляду. На песчаной отмели мы насчитали девяносто животных. Они грелись на солнце, широко разинув пасть. Мы обстреляли их, когда они бросились в воду. Впрочем, некоторые остались лежать, то ли потому, что очень крепко спали, то ли потому, что испугались. Всего я в тот день насчитал 1050 крокодилов. Поистине поразительное число. Я бы никогда не поверил, если бы не считал сам».

Нильский крокодил.

Когда я тридцать лет назад впервые попал в Эквадор, в реке Гуаяс все еще было много крокодилов. Речь идет о настоящем крокодиле, *Crocodylus occidentalis*, близком родственнике американского острорылого *Crocodylus americanus*. Мой друг, швейцарский профессор Мартин Фёгели, ежегодно экспортировал тысячи крокодиловых кож.

Раз, когда я был у него в гостях, охотники принесли живого четырехметрового крокодила и предложили Фёгели его кожу.

— Возьму,— ответил профессор.— Убейте его и снимите кожу.

— Убить?— удивились охотники.— Ну, нет! Мы обдерем его живьем. Крокодилы и без кожи долго живут, а мы хотим принести в деревню свежее мясо.

Профессор чуть с них кожу не содрал за такую жестокость!

Конечно, крокодилов перебили не по всей Южной Америке. В трудно доступных областях, особенно в обширном бассейне Амазонки, несчетное множество этих отвратительных рептилий. В 1952—1953 годах, когда я возглавлял киноэкспедицию в северо-восточную часть Колумбии, мы побывали на болоте Ла Апия по течению реки Путумайо; оно кишело кайманами. С нами был профессиональный охотник на крокодилов, Вильямисар. Однажды ночью он взял нас с собой на охоту...

Со своей лодки охотник направляет луч фонаря на берега, на поверхность воды. При этом глаза кайманов отражают свет, и видны ярко-красные точки. Зверь глядит на свет, будто замороженный, а охотник тем временем осторожно приближается к нему. И если это такой искусный охотник, как Вильямисар, он может подойти вплотную и вонзить гарпун в каймана.

Невозможно передать словами, какое причудливое, волшебное впечатление Ла Апия производило в ту ночь, когда мы медленно скользили по воде в лодке Вильямисара. Охотник сидел на носу, ловко работая веслом. Бесшумно вел он угловатое суденышко по узким протокам, между кочками и буреломом. И поминутно кричал, подражая брачному зову каймана: «А'уууууу! А'ууууууу! А'ууууууу!» При этом он гулко ударял себя в грудь. Время от времени с болота доносился ответ.

Кругом светилось много красных глаз, но они не занимали Вильямисара. Ему нужен был кайман не меньше двух метров. За такого он получит шестнадцать песо, по восьми за метр. Кожу меньших размеров здесь никто у него не возьмет.

За ночь Вильямисар неплохо заработал. Он убил пять кайманов. Самый крупный был около трех с половиной метров в длину, самый маленький — ровно два метра. Наш друг был очень доволен. Еще больше радовались, наверно, стервятники Ла Апия, которые на следующий день облепили ободранные туши...

Ночная охота на крокодила была для меня не новость, но такого замечательного охотника, как Вильямисар, я видел впер-

Легуан, несмотря на устрашающую внешность, совсем безобиден.

вые. Он без промаха поражал крокодилов гарпуном и преспокойно вытаскивал из воды в лодку отчаянно отбивающееся животное. Наш кинорежиссер Торгни Андерберг был в восторге. «Это надо снять!» — заявил он. И хотя условия были далеко не благоприятными, съемки состоялись. О том, что получилось, может судить всякий, кто смотрел наш документальный фильм «Анаконда».

Лишь в очень короткий отрезок времени вечером было подходящее освещение, и эти минуты мы использовали на всю катушку. Конечно, кое-что пришлось инсценировать, но актерами были живые кайманы. Вильямисар поймал их так ловко, что смог доставить в лагерь невредимыми; естественно, он при этом рисковал своей жизнью. Не менее опасной была режиссерская работа Торгни. Мало-помалу он осмелел и так небрежно обращался с кайманами, что просто чудо, как он не остался без руки или без ноги. Вильямисар, отлично изучивший этих коварных рептилий, облегченно вздохнул, когда были отсняты последние эпизоды. И заявил, что теперь окончательно убедился в справедливости пословицы «бог дураков любит». Как руководитель экспедиции, я, разумеется, предостерегал Торгни, напоминал ему, что крокодилы настоящие. Но когда он уходил с головой в работу, все советы и предупреждения были ему, что гусю вода.

Рассказывая о питонах, я упомянул, что их можно есть. Это в еще большей степени относится к крокодилам. В джунглях Южной Америки я, по примеру индейцев, с удовольствием ел крокодилий хвост. Это настоящее лакомство, особенно, если зверь молодой. Впрочем, когда мне в первый раз предложили отведать крокодильего мяса — это было в Эквадоре — я не ощутил особого воодушевления. Дело в том, что полутораметра-

вого крокодила разделали у меня на глазах, и в его желудке мы нашли, помимо двух десятков камней и ракушек, наполовину переваренную ядовитую змею!

Индейцы приготовили не только мясо, но и кишки, которые вкусом и жесткостью сильно напоминали ластик.

В Южной Америке употребляют в пищу и легуана. Эта ящерица, несмотря на устрашающую внешность, совсем безобидна. Она достигает в длину двух метров. Две трети приходится на хвост; когда некуда бежать, легуан обороняется им и может нанести вам чувствительные удары. Одновременно ящерица раздувает горловой мешок, шипит и щелкает зубами, и вид у нее становится настолько грозным, что даже самые смелые люди подчас отступают.

Легуан вкусом напоминает цыпленка; вот почему его иногда называют «галина дель монте» — лесная курица. В Панаме я видел живых легуанов на рынке, причем обращались с ними жестоко. Поймав легуана, охотник маленькими клещами захватывает самый длинный палец задней ноги и отрывает от него сухожилие. Этими сухожилиями связывают вместе задние, а то и передние ноги ящерицы, так что она становится совершенно беспомощной. После охоты добычу сортируют и укладывают в корзины, потом везут на рынок.

В Южной Америке примеры жестокого обращения с животными часты, я еще привел не самый яркий...

Как-то я на одной из площадей Кито увидел скопление людей и подошел выяснить, что происходит. Толпа окружила человека, который показывал чуть живого от холода, жалкого, тощего легуана с наполовину обрубленным хвостом. Большинство зевак были горцы. Они впервые в жизни видели легуана, и на их лицах можно было прочесть испуг и отвращение, к которым примешивалось восхищение храбрым человеком, не боящимся такого зверя. Восхищение еще больше возросло, когда он сообщил, что это злобное и ядовитое животное может убить быка.

Любопытные все прибывали, и, когда собралось достаточно народу, владелец легуана незаметно перевел разговор на желудочные болезни и непревзойденное слабительное, которым он был готов осчастливить всех желающих по самой дешевой цене. Маленькая «убийца быков» сделала свое дело, привлекла покупателей. Теперь она получила в награду листик сзлата и вернулась в припасенную для нее картонную коробку. И вот уже открыта сумка с пузырьками, идет бойкая торговля лекарством...

Поистине, горькая участь для безобидного легуана!

За анакондой

Путешествуя по Южной Америке, я основательно изучил богатейший животный мир этой части света и собрал хорошие коллекции рептилий. В моем кабинете в Кито, где я пишу эту книгу, целая полка занята заспиртованными змеями и ящерицами, которых я хочу отправить в Швецию. Очень может быть, что среди них найдется вид, еще не описанный учеными. Зоологические богатства безбрежных южноамериканских лесов далеко не исчерпаны. Именно возможность открыть новый вид делает сбор коллекций таким увлекательным делом.

Особенно много змей в западной, равнинной части Эквадора. Наиболее опасные из них — коралловые аспиды, копьеголовая куфия и пальмовые ямкоголовые гремучие змеи. В провинции Лос Риос я жил на гасиенде, где было занято больше тысячи рабочих. Ежегодно два-три человека погибали от змеиных укусов, хотя на гасиенде держали предписанный законом запас сыворотки. Просто территория настолько велика, что не всегда удается оказать помощь достаточно быстро. Ведь если яд попадет, скажем, в крупный сосуд, кровь несет его в сердце, и человек может умереть через несколько минут. На другой гасиенде, в провинции Эсмеральдас, за каждую убитую змею платили пять сукрес. Дневная добыча составляла от пяти до пятнадцати змей; правда, не все были ядовитые. (Между прочим, из двух с половиной тысяч известных видов змей меньше двухсот пятидесяти опасны для человека.)¹ Индейцы колорадос, живущие в лесу в верхнем течении Эсмеральдас, в провинции Пичинча, рассказали мне, что почти не проходит года, чтобы кто-нибудь из племени не умер от змеиного укуса, а их всего-то осталось человек двести. Один раз, когда я приехал к ним в гости, они хоронили маленькую девочку, которую укусила копьеголовая куфия.

¹ Автор ошибается. Для человека опасны 410 видов ядовитых змей. Из них на территории СССР обитает 10 видов (кобра, два вида житомордников, пять видов гадюк, гюрза). Совершенно безосновательно иногда считают ядовитыми стрелу-змею и медянку.

В Южной Америке я подметил одну вещь, которая сначала очень удивила меня: в населенных районах змей гораздо больше, чем в неосвоенных. Но потом я, как мне кажется, нашел объяснение. В населенных местностях истреблены или изгнаны злейшие враги змей: птицы и крупные млекопитающие, в том числе главные пожиратели рептилий — дикие свиньи. В доказательство можно привести один остров у тихоокеанского побережья Колумбии. Из-за неслыханного обилия змей на нем никто не хотел селиться, пока один смекалистый человек не догадался ввезти туда диких свиней. В два года они уничтожили почти всех змей. Наконец, там, где обосновывается человек, быстро разводятся крысы и мыши, любимая пища многих змей.

Когда люди принялись истреблять кайманов на острове Маражо в дельте Амазонки и нарушили природное равновесие, там катастрофически выросло количество змей, и они стали бичом местных жителей. Нам рассказали, что, хотя все крупные фермы обеспечены сывороткой, ежегодно от змеиных укусов на Маражо погибают сотни голов скота.

На этом острове представлены все самые ядовитые змеи Южной Америки. Из них наиболее грозная — каскавель, единственный тропический вид гремучей змеи, и, надо сказать, ядовитейший и агрессивнейший вид. Не случайно ей присвоено латинское имя *Crotalus terrificus*¹. В лучшем случае она, прежде чем напасть, свернется в кольцо и трещит погромком. Но чаще всего каскавель бросается на врага без предупреждения.

— Каскавель может одним укусом сломать человеку шею, — сказал мне один вакеро.

Сейчас я объясню, что он подразумевал. Яд гремучей змеи (кстати, ранка от ее укуса почти или вовсе не кровоточит) поражает нервную систему, вызывая слепоту, удушье и паралич. В частности, совершенно парализуется шея, и если укушенный сидел, голова его падает на грудь, или безвольно болтается из стороны в сторону, или запрокидывается назад. Вот местным жителям и кажется, что у человека сломан позвоночник.

Страшен также бушмейстер, он же шурукуку, достигающий в длину четырех метров. Агрессивность, большая длина ядовитых зубов и обилие впрыскиваемого при укусе яда делает бушмейстера едва ли не самой опасной змеей Южной Америки.

К счастью, в Бразилии можно получить отличную сыворотку. На всякий случай и мы запаслись ею. Сыворотку изготавливают в Сан-Пауло и Рио-де-Жанейро и расesyлают по всей стране. «Змеиный парк» в Сан-Пауло, где можно увидеть, как грозные рептилии Южной Америки отдают свой яд, наверно, известен во всем мире². В тридцатых годах считалось, что в Бразилии еже-

¹ *Terrificus* — в переводе с латинского языка значит «устрашающий».

² В Сан-Пауло создан один из первых в мире (в 1901 г.) специальный питомник змей — «Бутантан». Здесь содержат змей для получения от них яда, необходимого для изготовления сывороток и других лекарств,

годно погибает от змеиных укусов около трех тысяч человек. Теперь благодаря сыворотке эта цифра упала до ста.

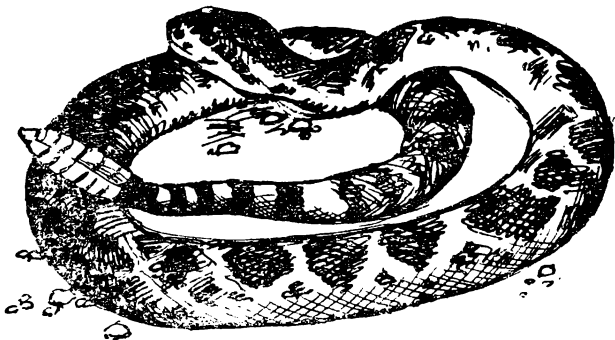
Чего только вам не расскажут о змеях в Южной Америке!

Будто в Амазонас водятся не только одноголовые, но и двух- (помните улар кепала дуа?), даже трехголовые змеи! Есть змеи, которых ни в коем случае нельзя убивать, не то у вас начнутся дикие боли в желудке. Я познакомился с такой змеей, илули, путешествуя в области индейцев аука в восточном Эквадоре. Увидев ее, сопровождавшие нас индейцы юмбо сказали, что теперь жди беды. На следующий день на нашу экспедицию напали аука. Разве не говорили юмбо, что встреча с илули — дурная примета?!

Рассказывают также о водяной змее, которая убивает рыбаков. Схватит крючок, потом, заглатывая лесу, подтягивается по ней в лодку. Хочешь спастись — вовремя перережь леску! Есть змея с ядовитым шипом на хвосте: воткнет вам шип в ногу и впрыснет «змеиного духа». Если хорошенько растережь ногу, «духа» можно изгнать, а иначе — смерть.

Разумеется, ни один ученый не находил этих поразительных рептилий, но индейцы области Амазонас могут поклясться, что они существуют. Один американец сообщает, что он нарочно наловил на реке Напо побольше змей, якобы оснащенных шипом на хвосте, хотел доказать индейцам, что это безобидная тварь. Индейцы согласились: в самом деле, нет шипов. А странно, ведь у всех остальных змей этого вида они есть!

Может показаться удивительным — как это так, у людей, выросших в тропическом лесу и отличающихся великолепной наблюдательностью, такие нелепые представления о змеях. Но рептилии вообще больше, чем какие-либо иные животные, поражают воображение человека. У нас в Швеции рассказывают о гадюках, которые, вцепившись себе в хвост зубами, катятся, словно обруч; мне совершенно серьезно говорил об этом один крестьянин в Бергслагене. Примерно такую же историю я слышал от даяков на Калимантане. Так что речь идет о явлении, распространенном во всем свете.

Единственный тропический вид гремучей змеи — каскавель.

А как народная фантазия преувеличивает размеры удавов! В Южной Америке можно от вполне надежных людей услышать, что они видели анаконд длиной в двадцать, даже в тридцать метров. Хотя в действительности самые крупные анаконды, обитающие в бассейне Амазонки, не достигают и десяти метров.

В Колумбии один человек, отнюдь не новичок в зоологии, сообщил мне, будто бы американский музей недавно приобрел рекордный экземпляр водяного удава — восемнадцать метров. Это показалось мне настолько невероятным, что я тотчас написал заведующему Отделом амфибий и рептилий американского Музея естественной истории в Нью-Йорке, крупнейшему авторитету в этой области, доктору Чарльзу Богерту.

«Как вам наверно известно,— ответил мне доктор Богерт,— истории о гигантских змеях (обычно считается, что речь идет об анакондах) ходят в области Амазонас очень давно. Вероятно, они связаны с индейской мифологией. А тут еще в Бразилии широко распространилась фотооткрытка, изображающая анаконду, и подпись гласила, что длина змеи была сорок метров, вес — двадцать тонн! Насколько мне известно, предельная длина анаконды — около двадцати восьми футов (8,54 метра). Эту цифру принимает Клиффорд Поуп, отнюдь не склонный к преувеличениям. Несколько лет назад доктор Томас Барбур в своей статье в «Сайентифик Мансли» приволил данные об анаконде длиной в сорок футов (12,2 метра), но я знаю, что он сам же потом усомнился в достоверности источника. И совсем точно могу вам сообщить, что ни в одном американском музее нет восемнадцатиметрового экземпляра. В нашем музее есть и кожи, и чучела, но я сомневаюсь, чтобы длина любого из этих экспонатов намного превышала двадцать футов. Вообще этот размер—двадцать футов — представляет, судя по всему, среднюю величину взрослых анаконд. Вероятно, можно встретить экземпляры, превышающие среднюю цифру на несколько футов, но уж во всяком случае не вдвое. Пока нет иных доказательств, я склонен считать предельной длиной двадцать восемь футов...».

Правда, в недавно вышедшей книге Джемс Оливер, куратор отдела рептилий Нью-Йоркского зоологического общества, ссылаясь на достоверные источники, приводит цифру тридцать семь футов. Тогда сетчатый питон, которого до сих пор считали самой большой змеей на свете, занимает только второе место: ведь он достигает тридцати трех футов.

Президент Теодор Рузвельт обещал в свое время пять тысяч долларов тому, кто доставит ему анаконду больше тридцати футов. Никто не пришел за наградой. Я и сам (правда, мне щедрые жесты не по карману) пытался найти рекордистов, о которых сообщала молва, но не преуспел. На реке Напо в Эквадоре один владелец гасиенды рассказал мне, что он убил двадцатиметровую анаконду и отдал ее кожу швейцарскому геологу, служащему компании «Шелл». Может быть,

двадцатифутовую, переспросил я. Но он стоял на своем. Так или иначе, речь шла о на редкость крупном экземпляре, и я решил исследовать этот вопрос. Швейцарец уже уехал на родину, однако я узнал его адрес и написал в Швейцарию. Ответ пришел с Новой Гвинеи. Геолог сообщал, что, к сожалению, кожа пропала, когда он возвращался в Европу. Он ее так и не измерил, но, во всяком случае, она была не длиннее шести-семи метров.

В другой раз я услышал от одного католического миссионера в Колумбии, будто его коллега на реке Путумайо убил анаконду длиной больше двадцати метров. Если я не верю, могу написать и спросить. У коллеги есть даже фотография чудовища. Я тотчас написал и пообещал солидное вознаграждение, если мне пришлют данные обмера, описание и фото. Увы, ответа не последовало. Скорее всего, рассказчик накинул метров десять-пятнадцать...

Во время киноэкспедиции в Амазонас, когда снимался документальный фильм «Анаконда», мы на реке Путумайо попали к эквадорским пограничникам. Нам говорили, будто у начальника заставы есть кожа анаконды длиной больше десяти метров. Я спросил его, верно ли это.

— Конечно, верно, — ответил он, — Двенадцать метров.

И командир велел солдату принести кожу. Я приготовился к сенсации. Мы расстелили кожу на полу, и я измерил ее шагами. Шесть метров — вдвое меньше того, что говорил начальник заставы.

— Ну, знаете! — воскликнул я. — В ней всего шесть метров.

— Правда? — сказал он и рассмеялся. — А я-то думал — двенадцать. И ведь любой, кто посмотрит, то же самое скажет!

Похоже, что преувеличения в рассказах о змеях так же обычны, как у рыболовов, когда они описывают свой улов. Вряд ли это сознательная ложь, скорее, самообман. Характерно, что авторы очень солидных книг — Фосетт, Уп де Графф и другие, — когда дело доходит до удавов, весьма вольно обращаются с истиной.

Первая анаконда, которую поймала наша киноэкспедиция, была не так уж и велика, всего 4,5 метра; но как мы переволновались, сражаясь с ней!

Мы увидели ее на нависшем над водой стволе, когда спустились вниз по реке Кагуан. Несколько дней шел холодный проливной дождь, но тут выглянуло солнце, и змея явно решила погреться. Она казалась гораздо длиннее, чем была в действительности; может быть, из-за большой толщины. Как ее поймать? Очень она неудобно лежит... Если бросится в реку, ставь крест. А впрочем, мы ведь можем растянуть сеть под стволом! (У нас были с собой две сети для охоты на удавов). Весь вопрос, как это сделать.

Мы тихо приблизились на пироге. Змея не обращала на нас

внимания. Такой крупной анаконде не приходится опасаться врагов — разве что крокодилов, — и она явно решила, что мы ей не угроза. Ошиблась, голубушка!

Подойдя к стволу, мы привязали пирогу за ветку, чтобы не снесло течением. Муньос и Торгни Андерберг навели на анаконду свои двустволки, а Хорхе Санклементе и я прыгнули в воду и выбрались на берег. За собой мы тянули сеть, которую нам после изрядной возни удалось растянуть между берегом и лодкой, как раз под змеей. Но самое трудное еще предстояло: набросить на змею петли.

Медленно подходим к змее, приготовив арканы. По-прежнему никакой реакции, только язык скользит взад-вперед да пристально изучают нас холодные глаза. Предельно осторожно мы накинули петлю на заднюю часть тела змеи и ствол. Я сжимаю в руках конец веревки, готовый, когда настанет пора, тянуть изо всех сил. Держа в зубах кинжал, Хорхе идет вдоль ствола, чтобы надеть на змею вторую петлю. Ему мешают ветви и листья. Он начинает срезать их. Змея поднимает голову. Хорхе замирает. Страшное напряжение, секунды кажутся минутами... Анаконда опускает голову. Хорхе заводит петлю вокруг ствола и змеи и бросает конец веревки сидящему в лодке Торгни.

Теперь — главное: надеть ей петлю на голову. Хорхе кидает лассо, но промахивается. А змея уже зашевелилась и поползла вперед. Больше ждать нельзя!

— Тяните, что есть мочи! — кричит Хорхе.

Мы затягиваем петли. Тянем так, что веревка врезается в ладони. Что за силища у анаконды! Хотя я всем телом повис на своей веревке, змея вырывается из задней петли! Пытаюсь удержать ее за хвост — куда там!

Похоже, все пропало... Она отчаянно бьется — то напрягается, то расслабляется, и сантиметр за сантиметром выползает из второй петли. Разинутая шипящая пасть мечется в разные стороны, пытается укусить Хорхе.

Торгни орет:

— Накиньте ей петлю на голову! На голову!

А как это сделать, когда анаконда никого близко не подпускает!

Но Хорхе бесстрашно идет к ней и снова кидает лассо. Есть! Накинул на голову. Он дергает за веревку, в ту же секунду анаконда выскальзывает из второй петли, которая прижимала ее к дереву, и валится в реку. А течение отнесло в сторону сеть — что же это такое! Хорхе не выпускает лассо. Я спешу к нему на помощь, и мы тащим строптивую добычу к берегу. Анаконда бешено извивается, вода бурлит от ее ударов. Муньос и Торгни тоже прыгнули в реку и бегут к нам. Вместе мы вытаскиваем анаконду на сушу. Она сворачивается в клубок. Должно быть, петля больно стянула ей шею, вот она и прячет голову, защищаясь...

Мы вылавливаем из реки сеть, расстилаем ее на берегу, закатываем на нее живой клубок и обматываем его сетью. Ножом разрезаем веревку. Анаконда опять бьется, пытается вырваться из заточения. Но сеть достаточно прочна.

Вторую анаконду Хорхе Санклементе поймал один.

В это время мы гостили у кофанов на реке Сан-Мигель, притоке Путумайо. Провиант был на исходе, поэтому Хорхе решил отправиться с двумя индейцами за продуктами в деревню Пуэрто-Оспина.

Возвращаясь вверх по Сан-Мигелю, они под вечер устроили привал на острове. Как обычно, Хорхе взяв ружье, пошел поискать какую-нибудь живность и увидел в болотце анаконду длиной в пять-шесть метров! Он быстро срезал длинную жердь с рогаткой и бесстрашно пошел на змею-великана. И началась пляска!

Хорхе удалось рогаткой утопить голову анаконды, в свою очередь рептилия пыталась захватить его ноги. Хорхе громко кричал, зовя индейцев, и отчаянно прыгал среди болотной грязи, увертываясь от змеиного хвоста. Он не отпускал голову змеи, и ярости анаконды не было границ.

Минуты шли. Сколько Хорхе ни звал, индейцы не шли. Опасная игра продолжалась. Пять минут... десять... пятнадцать... Наконец силы змеи стали иссякать. Хорхе не давал ей дышать, и она билась уже не так неистово. Охотнику приходилось прыгать все реже, а затем его невольная пляска и вовсе кончилась.

Теперь—не мешкать! Хорхе рассчитал, что в таком состоянии анаконда никуда не уползет, ей надо сперва прийти в себя. И он решил рискнуть — побежал в лагерь за веревкой. Здесь он застал обоих индейцев; они его не слышали из-за гула реки. Вернувшись к болотцу, Хорхе увидел, что анаконда лежит на том же месте, ему даже удалось без труда надеть ей петлю на шею. Индейцы в помощники не годились. С испуганным видом они стояли поодаль, не смея подойти к змее. Кофаны, как и большинство индейцев, храбро идут на ягуара, но анаконда вызывает у них суеверный панический страх. Хорхе едва уговорил их помочь ему оттащить добычу в лагерь.

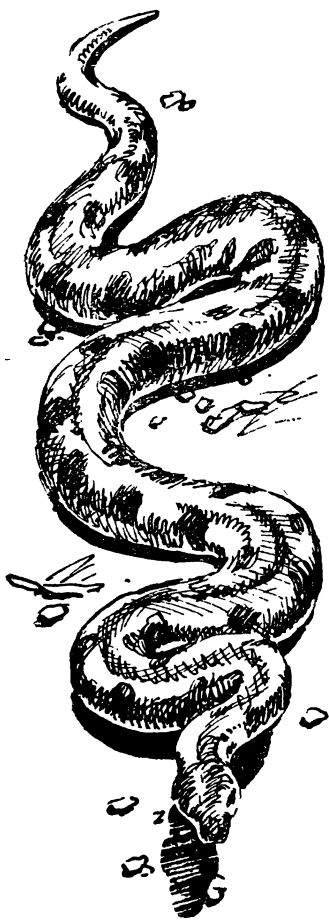
Когда они добрались, уже стемнело. Куда девать опасный улов? У Хорхе не было ни мешка, ни ящика. Ничего, завтра что-нибудь придумаю, сказал он себе. Хорхе устал, его клонило в сон. Он повесил свой гамак и привязал змею к нему. Если она попытается уйти — поневоле его разбудит. Анаконда очень хотела уйти, и в ту ночь Хорхе спать не пришлось. Индейцам тоже, хотя они из предосторожности устроились в лодке.

Как только рассвело, они втроем соорудили прочную клетку.

Вбили в землю прочные бамбуковые столбы; из бамбука же сделали стены и крышу, приторочив их лианами. Наконец, затащили в клетку анаконду и сняли с нее веревку.

Через девять дней, спускаясь к Путумайо, мы причалили к островку, на котором оставалась анаконда Хорхе. Нас встретило страшное зловоние. Умерла... Но почему? Ответ был очевиден. Земля вокруг клетки казалась черной от полчищ хищных муравьев. Да и клетка тоже. Муравьи убили змею! Не правда ли, ужасная участь — ведь анаконда никуда не могла уйти. Кошмар...

Анаконда любит воду.

Меня часто спрашивают, насколько же все-таки опасна анаконда? Могу повторить то, что я сказал о питонах: она не так страшна, какой ее расписывают. Но и безобидной ее не назовешь.

Мне известны два случая, когда анаконда убила людей. В Эквадоре, на реке Напо, змея обвила купающегося метиса и, как он ни отбивался, затащила его под воду. Потом его нашли ниже по течению. На теле были явственные следы грозных объятий, но проглотить добычу анаконда не смогла.

Второй случай тоже произошел в Эквадоре, в том месте, где в Напо вливается Ясуни.

Дети пришли на реку купаться. Вдруг оказалось, что одного из них — тринадцатилетнего мальчика — нет. Решили, что он утонул. И заметив на воде у самого берега пузырьки воздуха, другой мальчик нырнул за товарищем. Он вернулся бледный от страха и рассказал, что нащупал руками огромную змею. Дети часто слышали, что в реке обитает громадная анаконда, которая уже проглотила двух человек. Очевидно, это она утащила их друга.

Отец погибшего дал слово отомстить. Целые сутки он выслеживал анаконду и отыскал ее. Она наполовину выползла на берег и оторгнула добычу. Пятью выстрелами из винчестера он убил громадную змею.

Я мог бы пересказать множество куда более страшных историй о бесчинствах анаконд, но в их достоверности я не уверен.

Поймать анаконду в воде (если достаточно глубоко), пожалуй невозможно. Там она в своей стихии и двигается невероятно быстро. Ее нужно подстеречь, когда она выйдет на берег отдохнуть, переварить пищу.

Как правило, у водяного удава строго определенные охотничьи угодья. И если где-то замечена анаконда, можно рассчитывать на повторную встречу. Мы собирали все сведения о виденных крупных анакондах. И пришли к выводу, что больше всего надежд найти водяного удава в верхнем течении Каукаи, притока Путумайо. Индейцы хитото (их поселок находился в устье Каукаи) рассказали, что неоднократно видели десятиметровую змеищу в небольшом озерке; последний раз — всего недели две назад. Примерно в то же время несколько охотников из расположенной поблизости колумбийской военной базы Пуэрто-Легисамо наблюдали поразительное зрелище. На берегу Каукаи им попалось о д и н н а д ц а т ь анаконд, которые сплелись в клубок. Четырех змей им удалось убить, остальные ушли в реку. Самая крупная из убитых змей была больше шести метров.

Мы приступили к поискам. На большой лодке поднялись вверх по Каукае, потом пересели на утлую пирогу и стали исследовать узкие кебрада — извилистые речушки, заваленные буреломом. Разведывали маленькие озера, болота. Подолгу бродили пешком в душной, заболоченной чаще. Поймали множество рептилий — ядовитых и неядовитых, но анаконд не встретили, хотя нам попадались их следы. Мы были готовы и месяц, и два провести в этом нездоровом краю, который уже наградил двоих из нас малярией! Но приближался сезон дождей, и тогда у нас могло ничего не получиться. Надо найти анаконду теперь. Фильм уже получил название «Анаконда» — как же мы обойдемся без змей? Ведь поимка водяного удава — гвоздь всей картины!

Мы усилили поиски, вставали с рассветом, ложились поздно, не давали себе выходных. И наконец, на маленьком притоке Каукаи, наши труды увенчались успехом.

Семиметровая анаконда толщиной почти с телеграфный столб неосторожно выползла на берег. Это и решило ее судьбу.

Пять человек набросились на змею, и завязался настоящий блицкриг. Мы были вооружены палками, арканами и твердой решимостью не упустить удава. Мы тянули, дергали, скользили, обливаясь потом, шлепались в грязь, кричали, бранились... Анаконда шипела, щелкала челюстями, изо всех сил старалась заключить кого-нибудь в свои объятия. Оператор Курт Вальгрэн метался вокруг нас со своей камерой, подыскивая наиболее выгодные точки для съемки. Он был вездесущ, только что в

пасть змеи не лез. А звукооператор Улле Булин не давал передышки своему магнитофону, рвал на себе бороду от возбуждения: и то и дело подбегал с фотоаппаратом, чтобы щелкнуть на память кадр-другой. Режиссер Торгни о режиссуре и не помышлял, он тоже сражался с анакондой, от души упиваясь схваткой. Сама змея взяла на себя роль режиссера.

Но вот представление окончено. Анаконда взята в плен и помещена в приспособленный для такого случая ящик. Трудно сказать, кто из нас — охотники или змея — больше устал!

— Слава богу! — вздохнул Торгни. — Не пропадет рабочее название!

В приключенческих книгах часто можно прочесть о грозе джунглей боа, второй по величине змее Южной Америки. Но что бы ни писалось в книгах, она совершенно безопасна для человека. Предельная длина боа — около пяти метров, окраска очень хороша, и на нее усиленно охотятся из-за кожи.

В городе Эсмеральдас на побережье Эквадора я однажды поймал метровую боа на сделанной из пальмовых листьев крыше ресторана. Я отвез ее в Гваякиль и подарил там одному соотечественнику, который устроил в своем саду целый зверинец. Увы, змея сбежала из сада, и мы никак не могли ее найти.

А через некоторое время один из соседей рассказал нам про ужасное происшествие.

— На днях моя жена, отдыхая в постели, увидела на полу спальни страшную, длинную ядовитую змею. Разинув пасть, шипя, сверкая глазами, гадина ползла к ней. Перепуганная на смерть, жена закричала: «Змея! Змея». Я подумал, что ей почудилось — откуда в городе змеи? На всякий случай схватил все-таки клюшку и побежал в спальню. Подоспел как раз в ту минуту, когда змея приготовилась укусить мою жену. Я ударил змею. Она открывала пасть, шипела, брызгала ядом, но я продолжал бить, пока не прикончил ее. Здоровущая! Вот, посмотрите, я сохранил ее кожу.

Ну, конечно: наша смиренная, безобидная боа... Мой друг был огорчен и возмущен, но мудро предпочел не признаваться, что это его любимица нагнала такой страх на жену соседа. Потом оправдывайся перед полицией!

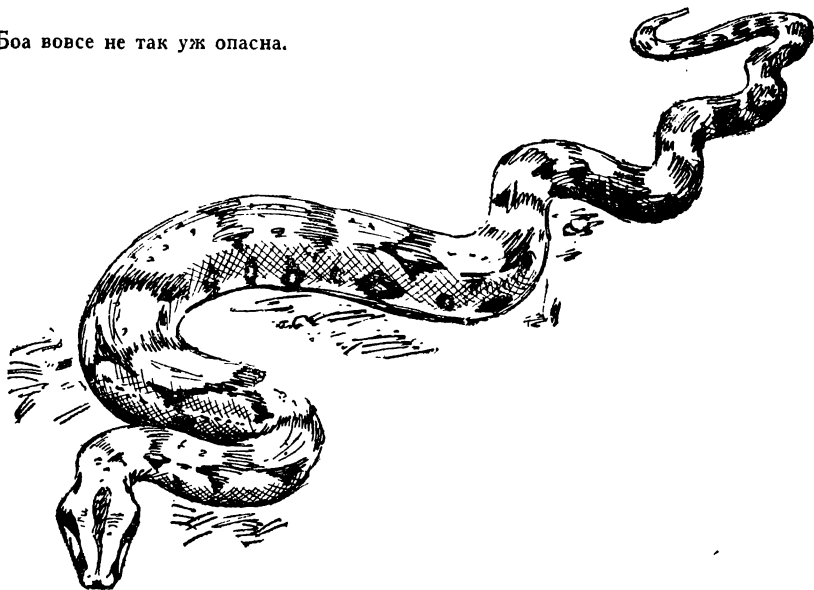
Но как не возмутиться бессмысленным избиением рептилий! Человек не спрашивает: опасна, ядовита змея или нет. Испытывая инстинктивное отвращение и безотчетный страх перед змеями, он убивает их без разбора, да еще чувствует себя героем. Будем справедливы: иногда даже специалисту бывает трудно с первого взгляда определить, какого рода змея ему встретилась. Например, повсюду, где обитает коралловый аспид, есть безобидные ложные коралловые аспиды, в точности похожие на ядовитых.

Но ведь люди убивают змею и тогда, когда они точно знают, что она безвредна, даже полезна.

— Как увижу змею, любую, пусть и неядовитую, меня мороз по коже дерет, я должен убить ее, это как рефлекс.

Так ответил мне один швед, которого я корил за то, что он убил ужа.

Боа вовсе не так уж опасна.

Змеи в багаже

Одно дело — ловить и собирать рептилий, гораздо сложнее благополучно доставить их домой, особенно, когда речь идет о живых экземплярах.

Впервые я узнал это, когда возвращался из своего второго путешествия в Южную Америку, везя несколько гигантских черепах с Галапагоса, носуху и мелких крокодилов.

Без приключений я добрался до Амстердама. Там я отправил черепах морем, а сам, захватив носуху и крокодильчиков, пересел на поезд.

На границе между Голландией и Германией в вагон вошел мало симпатичный таможенник и принялся излишне придирчиво изучать багаж пассажиров. Подойдя ко мне, он показал на ящик, в котором сидели мои рептилии:

— Что у вас тут?

— Крокодилы, — ответил я в полном соответствии с истиной.

Мои соседи по купе прыснули со смеха. Они, несомненно, решили, что я шучу. Чиновнику показалось, что я подтруниваю над ним, он рванул крышку ящика и сунул руку внутрь. Если бы вы видели, как быстро он ее отдернул! Судя по тому, что из одного пальца сочилась кровь, кто-то из моих сердитых крокодильчиков основательно цапнул его. Сами понимаете, смех пассажиров стал еще громче.

А сколько приключений ожидало меня, когда пришла пора везти в Швецию рептилий, собранных на Калимантане и Яве для гётеборгского Аквариума!

Сперва я приехал к Умару за змеями, которых он отловил по моему заказу. Я просил его сколотить прочные ящики для ядовитых змей, чтобы не было происшествий. Но Умар явно понимал слово «прочные» не так, как я. На дороге стояла нанятая мной машина. Мы с Умаром быстро погрузили ящики, корзины, банки, я попрощался с укротителем змей и тронулся в путь.

Рядом со мной и у моих ног лежал опасный багаж. После нескольких часов тряски на ухабах я заметил, что с одной корзины сползает крышка. Я наклонился, чтобы поправить ее... и замер. Из щели высунулась страшная голова черной кобры. Глаза змеи

установились на меня. Она покачалась, не сводя с меня своего взгляда, потом скользнула вниз и поползла через мои ноги. Я живо поджал ноги, вскочил, шагнул и плюхнулся на переднее сидение между водителем и его помощником.

— Остановите машину! — закричал я. — Там, сзади, черная кобра...

— Кобра?!

Шофер взвыл не своим голосом, выжал ножной тормоз, и оба яванца пулей вылетели из кабины.

Вооружившись палкой, я загнал кобру обратно в корзину, и мы поехали дальше. Но до самого города яванцы каждую секунду испуганно оглядывались назад.

Из Черибона я поездом доехал до Джакарты, где снял в дешевой гостинице номер для себя и своих пресмыкающихся. Среди них были не только пойманные Умаром. Одно время я гостил у товарища детства, Курта Ландберга; в Индонезии он работал на чайной плантации. Курт разделял мое увлечение животными, в частности, собрал отличные коллекции рептилий и насекомых для шведского Государственного музея, и с его помощью я получил много яванских пресмыкающихся. По мере отлова мы помещали их в огромную клетку, установленную в его саду. Через несколько недель в ней собралось около полусотни змей. Но когда настал день укладывать их в ящики для транспортировки, мы многих змей не досчитались. Видимо, самые крупные, хоть мы и подкармливали их лягушками и прочей мелкотой, сожрали своих младших собратьев. Да, но и двух-трех больших тоже нет!.. Мы поднимали камни, искали во всех уголках — тщетно. Зато нашли дыру в проволочной сетке. Так вот куда они все подевались... Последние две недели в саду Курта ползало чуть ли не три десятка змей! Теперь вы понимаете, почему я не могу без улыбки вспомнить слова жены Курта, Инги:

— Как хорошо, что в нашем саду совсем нет змей... Я до сих пор ни одной не видела.

На Птичьем рынке в Джакарте я купил у одного старика двух четырехметровых питонов и черепах трех видов, в том числе с полдюжины забавных кожистых черепах.

Словом, у меня была неплохая коллекция для Аквариума: уйма ядовитых и неядовитых змей, черепахи, крокодилы и несколько крупных варанов. Кроме того, я запасся лягушками и крысами для своих наиболее хищных подопечных.

Как-то раз, когда я достал из ящика гадюку, чтобы покормить ее (сама она отказывалась есть), случился конфуз: все пять змей, заточенных в этом ящике, вырвались на волю. Яванцы и малайцы, которые с любопытством следили за моими действиями, кинулись врассыпную, в гостинице началась паника. Только один человек остался, чтобы помочь мне ловить беглянок. Это был очень приятный, бородатый индонезиец, князь

своих рептилий в Аквариум. Не могу, правда, сказать, чтобы прощание со змеями прошло сердечно. Один из питонов основательно укусил меня за палец: я решил показать встречавшему меня брату, что со змеями в общем-то совсем нетрудно управляться....

В Эквадоре, на острове Пуна в дельте реки Гуаяс, я поймал красивую древесную боа *Boa eunydrii cookii*. Она достигает двух метров в длину, живет, как показывает имя, преимущественно на деревьях, питается главным образом птицами. Древесная боа агрессивна, стремительна и здорово кусает, так как у нее длинные зубы. Я пытался кормить свою боа ящерицами, но она гордо отказалась. Отправляясь с Пуна в Кито, я посадил змею в клетку с ящерицей, полагая, что это вполне безопасно. Ящерица была крупная, всего вдвое меньше змеи. Но когда я через три дня открыл клетку, чтобы извлечь своих зверей, там был только один. Ящерица исчезла, зато змея заметно поправилась.

Эта древесная боа долго жила в моем доме, прилежно истребляя мышей. Когда я собрался в Швецию, то решил захватить и ее. Она вела себя хорошо почти всю дорогу. Только на последнем участке, Копенгаген — Мальмё, опозорилась. И хозяина подвела. Наверно, ее просто укачало. Так или иначе, из ящика, стоявшего у моих ног, распространился неприятный запах. Соседи стали подозрительно поглядывать на меня и отодвигаться. Я чувствовал себя прескверно. Не мог же я сказать: «Извините, у змеи болит живот!» — это могло бы привести к панике. Надеюсь, мои тогдашние спутники прочтут эту книгу, и я буду оправдан в их глазах!

Я рассказал выше, как мы поймали анаконду в Амазонас. Теперь слушайте, что с ней было дальше. Мы назвали ее сеньорита Ана; сия почтенная дама отправилась в Швецию на самолете. Майским днем она прибыла в дом моих родителей в Стокюнде. Я открыл ящик — да, путешественница явно не в форме. Лежит неподвижно, никаких признаков жизни... Я потрогал ее. Никакого впечатления. Умерла?.. Нет, просто окоченела на участке Нью-Йорк — Стокгольм. Местами самолет шел на высоте трех-четырёх тысяч метров, а сеньорита Ана находилась в необогреваемом багажном отделении.

Теплая ванна оживила ее. Надо было видеть, как быстро подействовало тепло: вдруг длинное тело зашевелилось, заизвивалось, пасть разинулась, зашипела и попыталась схватить метлу (я решил, что все-таки безопаснее не трогать змею руками).

Несколько дней сеньорита загорала на травке среди тюльпанов, после чего переехала в гётеборгский Аквариум, где для нее приготовили террариум с температурой воздуха тридцать градусов. Пять месяцев анаконда выдерживала характер, ничего не ела, потом принялась уписывать морских свинок и крыс. Неправда ли, не совсем обычная судьба для обитательницы амазонских дебрей?

На втором этапе нашей киноэкспедиции в Амазонас мы поймали три анаконды: одну семиметровую, вторую — как Ана, и, наконец, крошку длиной всего полтора метра. С этим уловом нам не повезло. Маленькая погибла вскоре после того, как попала в Боготу. Двух больших из Боготы отвезли в Кали, где жил Хорхе СанкLEMENTE: он обещал присмотреть за змеями, пока мы не договоримся, как переправить их в Швецию. В Кали тропический климат, там нашим змеям ничего не грозило. Но на беду грузовик, в котором они ехали, поломался в Андах, и семиметровая, ожидавшая потомства, не выдержала. В Кали она была мертвая, и в этом же ящике лежало двадцать восемь не вовремя родившихся, мертвых анакондят. Я чувствовал себя детоубийцей.

Итак, только одна из наших трех анаконд уцелела. Зато ее удалось доставить живьем в Аквариум. Судя по всему, она неплохо освоилась там: в день премьеры нашего фильма «Анаконда» гостя из Амазонас съела свою соседку по террариуму, крупную боа...

В последний раз я перевозил рептилий несколько лет назад, и это была моя самая удачная поездка. Я отплыл из Эквадора, везя в Гётеборг, кроме нескольких черепах, двух боа, пойманных на гасиенде моего тестя. А привез пятнадцать змей! В сочельник, когда нас в Бискайском заливе трепал жестокий шторм, одна из моих боа произвела на свет тринадцать чудесных детенышей.

Приехав в Швецию, я дал интервью одной газете. На следующий день она вышла с крупным заголовком:

ПРИБАВЛЕНИЕ У БЛОМБЕРГА: ТРИНАДЦАТЬ ЗМЕЕНЫШЕЙ В ШТОРМ.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Исполинские черепахи и морские ящерицы	7
Лов змей в Индонезии	15
Змея в носу	24
Остров драконов	27
Мистер Лонгли — друг ящериц	36
Крокодилы	41
За анакондой	47
Змея в багаже	58

РОЛЬФ БЛОМБЕРГ

ЗМЕИ-ГИГАНТЫ И СТРАШНЫЕ ЯЩЕРЫ

Художник *Ю. И. Курьшова*
Редактор *Н. А. Косаковский*
Худож. редактор *Т. И. Добровольнова*
Техн. редактор *А. С. Ковалевская*
Корректор *Е. А. Ольховская*

Сдано в набор 15/III 1966 г.

Подписано к печати 23.4.66 г. Изд. № 124.

Формат бум. 60 × 90¹/₁₆. Бум. л. 2,0.

Печ. л. 4,0. Уч.-изд. л. 3,67. А 12361.

Цена 19 коп. Тираж 60 000 экз. Заказ 882.

Опубликовано БЗ № 84 за 1965 г.

Издательство «Знание».

Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

Типография изд-ва «Знание».

Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.